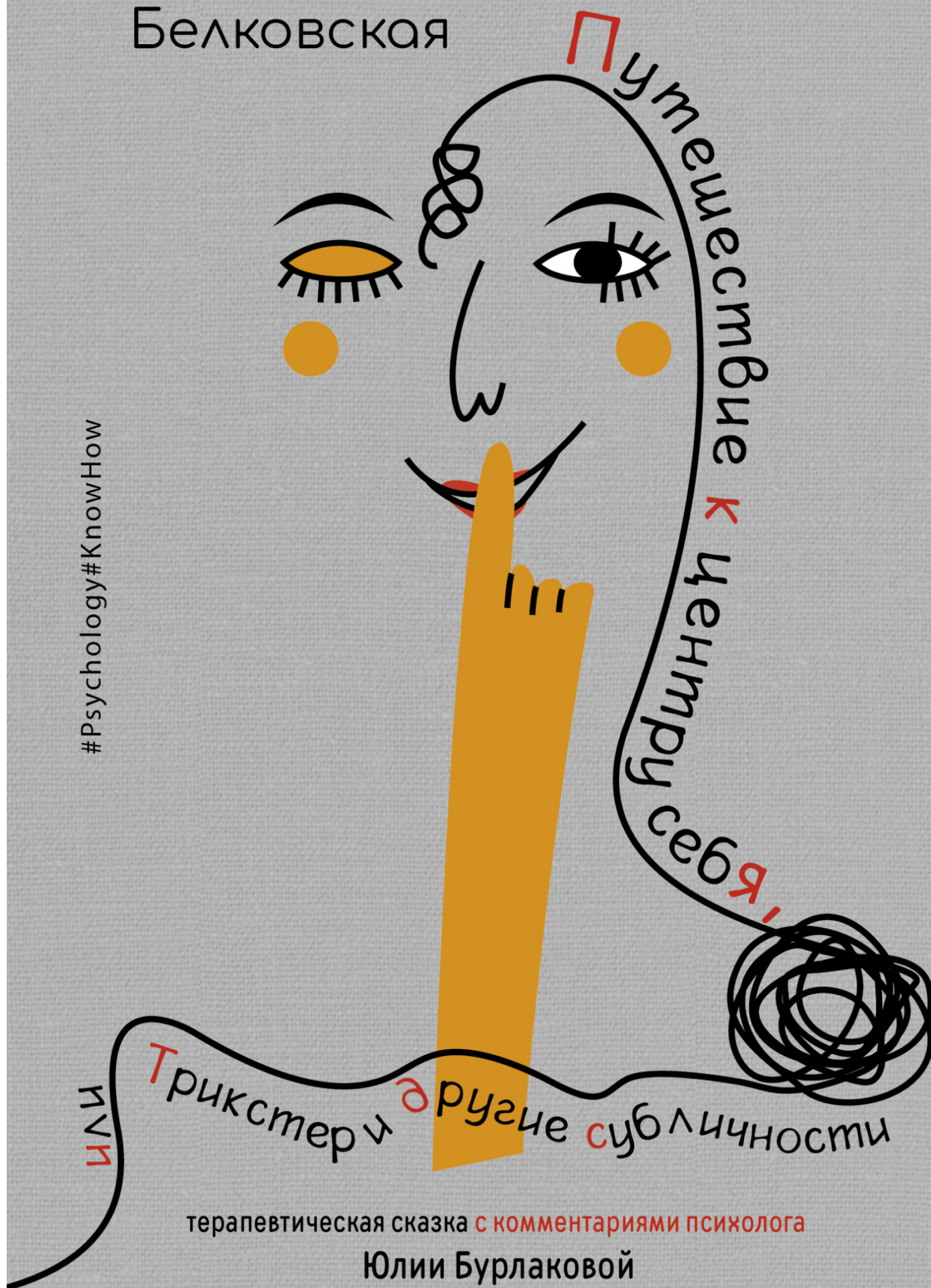

Алина
Белковская

#Psychology#KnowHow

терапевтическая сказка с комментариями психолога
Юлии Бурлаковой
Только для осознанных взрослых и их внутренних ребёнков!

#Psychology#KnowHow

Алина Белковская

**Путешествие к центру себя, или
Трикстер и другие субличности.
Терапевтическая сказка**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 159.923.2
ББК 88.52

Белковская А. Б.

Путешествие к центру себя, или Трикстер и другие субличности.
Терапевтическая сказка / А. Б. Белковская — «Издательство
АСТ», 2022 — (#Psychology#KnowHow)

ISBN 978-5-17-147144-6

Это книга о том, как в детстве нас сбивают в попытке взлететь — собственные родители, школа, общество, принятые культурные нормы. О том, как окружение пытается как можно глубже закопать наши еще не полностью раскрытые таланты. О том, как нас высмеивают, и о том, как мы после этого замолкаем. О том, как нас не признают, и мы перестаем признавать себя сами... О том, как мы гаснем... как год за годом все более тусклым становится наш внутренний свет, и тише становятся внутренние голоса, воспевавшие нашу творческую индивидуальность в 5–7–10 лет... И эта же книга - о том, как этот свет в себе заново разжечь, как расчистить от мусора свой собственный «гимн жизни», как расслышать свой истинный голос, который никогда нам не врет.

УДК 159.923.2
ББК 88.52

ISBN 978-5-17-147144-6

© Белковская А. Б., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Предисловие	6
I. Носочки в горошек	7
II. Этот бунт – неспроста	9
III. Яблоко, автомат Калашникова и клубочки	11
IV. Ваше величество, мы не знакомы...	17
V. Все больше всего	22
VI. Чеканное серебро	26
VII. Я все равно буду!	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алина Белковская
Путешествие к центру себя, или
Трикстер и другие субличности
Терапевтическая сказка

© Текст. Алина Белковская, 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

Книга посвящается Саши Гранковой – моему другу и личному коучу.

Милая Саша! Спасибо тебе за то, что ты заставила меня вспомнить, кто я, на что способна, и что для меня возможно.

Только для осознанных взрослых и их внутренних ребенков!

Предисловие

У вас в руках не просто сказка. Через художественный текст вы познаете механизмы работы собственной психики.

Эти сюжеты могут стать альтернативными решениями ваших осознанных и даже бессознательных травм и внутренних конфликтов.

Итак, путешествие начинается!

Героиня пытается разобраться с неэффективностью своей жизни, отправляется внутрь своей психики, где раскрывает собственные субличности. Они становятся для нее внутренними наставниками: Трикстер, Взрослый, Королева, Богиня Плодородия и даже Главный Редактор и Прокурор!

Она ищет внутреннего воина, но находит измученного страхами подростка. Ищет маму, а находит хомячка... Пытается разобраться в своих истинных желаниях, мечтах, в отношениях с деньгами, родителями и самой собой.

Субличности отправляют героиню в путешествие по ее памяти и помогают найти источники ограничивающих убеждений, тормозящих установок, низкой самооценки и многого другого.

Первая часть – захватывающая история в совершенно новом и необычном жанре, который можно назвать «психотерапевтическим фэнтези». Вторая часть – разъяснения психолога и коуча Юлии Бурлаковой. Из них вы поймете, что в каждой главе происходит с точки зрения психики и как это касается лично вас. А еще в книге множество практик по работе со страхами, непрожитыми или подавленными чувствами и прочими ограничениями.

Место действия: психика главной героини. События разворачиваются внутри нее самой.

Действующие лица: субличности и сама героиня как их «носитель». Да, она – и автор, и действующее лицо, и место действия.

Время действия: перемещения между 2021-м и 1980-м годами.

Маленький нюанс... Все, что вы почувствуете, не имеет отношения к героям повествования. Вы будете смеяться и плакать только над собой. И здесь начинается магия. Путешествуя по внутреннему миру автора, знакомясь с ее субличностью, вы повстречаете и собственных. Они «проснутся» внутри вас, «поднимут голову», попросят дать им слово или даже начнут высказываться без спроса.

НЕ ЗАТЫКАЙТЕ ИХ!

И будьте предельно внимательны к своему телу: когда станет страшно, когда побегут мурашки, хлынут слезы или начнет распирать от восторга, знайте, что вы прочитали про себя. Узнали себя. Не убегайте, не прячьте обратно то, что рвется наружу, – у вас есть шанс раскрыть собственный потенциал, разобраться с внутренними самоограничениями, отдавшись тексту, который вы держите в руках.

Нет, это не просто психология. Это намного больше и глубже. Это про устройство вашей личности, про ваши возможности внутри себя и во внешнем мире.

Не бойтесь. Эта сказка не способна ничего в вас сломать. Она может только указать на поломку. Трикстер и другие субличности проведут вас по глубинам вашей души и укажут дорогу к вашему собственному свету. Ну а светить вам предстоит уже самим.

Вы готовы светить? А светиться? А освещать мир? Тогда я приглашаю вас погрузиться в удивительные и прекрасные глубины вашей души и в истинную суть вашей личности.

Насыщенных вам приключений!

I. Носочки в горошек

– Ну что, тетя? Мы сегодня на кого-то наехали? А оне обидемились?

Трикстер плюхнулся в мое рабочее кресло и закинул ноги на стол.

– Привет, – буркнула я.

– Чего дуемсы? – Он шумно хлебнул чаю, поерзал во рту языком и выплюнул в воздух чаинку. Чаинка взлетела и шмякнулась ему на лоб.

– Ты такой взрослый сейчас, – продолжала я бурчать.

– А ты такая воодушевленная! – Трикстер хохотнул и свел глаза в кучу, пытаясь разглядеть чаинку, сползающую на нос.

Внутренние ребенки с визгом и воплями восторга повыскакивали из своих закоулков и сгрудились вокруг стола, хохоча и показывая пальчиками на чаинку.

– Я не могу воспринимать тебя серьезно! – хлопнула я по столу.

– А кто сказал, что надо?! – он «клюнул» носом, сбросив чаинку обратно в чашку.

Дети зашлись от хохота. Я недовольно скрестила руки на груди.

– Послушай, дорогой Трикстер...

– Ой, не надо вот этого! Читал я твой опус для внутреннего Критика. Ты хороша в эпистолярном жанре, но это не ко мне. Не прокатит со мной этот номер... – И он махнул рукой, демонстративно отхлебывая из чашки со сброшенной в нее чаинкой.

– И как же мне с тобой договориться?

– О чем, дорогая? Ты уверена, что я тебе мешаю?

– Ты очень часто обижаешь людей...

– О нет! Это люди часто обижаются. Да у них просто нет чувства юмора! Они не умеют видеть юмор, не умеют его слышать, многие не умеют его считывать. А еще они чрезмерно серьезно относятся к себе. И к тому, кто что про них должен говорить и думать. Сорян, маман, – он вскинул руки, – их угрюмость и неумение поржать над собой – не моя ответственность. Ваще. Так что если ты со мной решила о чем-то договориться ради других – забудь. Прям щас забудь. Не будет этого.

Явственно ощущаю тупиковость ситуации.

– В тупике ты окажешься без меня, – четко расставляет Трикстер слова. – Не станет меня, ты и дня не протянешь. Между прочим, пока ты не очухалась, это я глушил твоего Критика как рыбу динамитом. Это я ржал с тобой до слез над мемасиками. Это я раскручивал тебя посмеяться над твоими жизненными ляпами, когда тебе хотелось разрыдаться и опустить руки. Это я – тот, кто соблазнял для тебя мужиков, заставляя и их смеяться до слез и восхищаться твоим взглядом на мир. Это я...

– Так, стоп! Ты соблазняешь для меня мужиков?!

– А кто еще?!

– По-моему, ты сам мужик...

– Конечно мужик.

– Ты – гей?

– Так, дети, нам с мамой нужно поговорить, разбежались по своим делишкам, быстро.

Суета вокруг стола прекращается, ребенки рассасываются.

– Почему они тебя слушаются больше, чем меня?

– Потому что я вожак их стаи. А ты директор зоопарка. Чье слово больше весит? Так вот, да, я гей. И если бы я не был геєм, им бы стала ты. Ты любила бы женщин, если бы их любил я.

– Ты настолько влиятелен в моем мире? Ты и вожак стаи моих внутренних Взрослых тоже?!

– Да я просто вожак. Всей тебя. Я с тобой почти с самого рождения. Осознаёшь ты меня или нет, опознаёшь или с кем-то путаешь, слышишь или пытаешься заглушить – мне совершенно все равно. Ты родилась мной. И я – твой самый большой дар.

Если что, это я тогда рассмешил тебя на балконе тринадцатого этажа, в двенадцать лет. И ты не шагнула.

Это я развеселил бандитов, когда тебя в четырнадцать лет второй раз увезли в прекрасный ночной уральский лес. Я почти влюбил их в тебя тогда. Это я вывез тебя из того леса.

Я научил тебя писать стихи, когда тебя травили в школе, и нашел тебе тусовку сумасшедших неформалов. Я сделал тебя их королевой.

Это я научил тебя быть лучшим другом твоему сыну. Научил быть матерью и отцом в одном флаконе, когда ты собиралась ныть по поводу неполной семьи. Это я стал в тебе твоему сыну отцом.

Это я ржал с твоими начальниками, заставлял восхищаться тобой и повышать тебе зарплату.

Я придумывал все твои телепрограммы и сюжеты, за которые ты получила четыре ТЭФИ. И это Я. Делаю. Твои. Тексты.

Он заглядывает в чашку. Чай остыл.

– Это, мамуль, так, вкратце, *мое* к тебе послание. И в следующий раз, дорогая... когда захочешь «предъявить» мне хоть за что-нибудь, вспомни, что я для тебя сделал. И *кто* я для тебя. И подумай – во *что* ты превратишься *без меня*. А уж потом – начинай разговор. Договорились? – Он подмигивает. – А! И помнишь, года в четыре ты вывалила содержимое своего горшка на середину ковра, когда обиделась на мать? Это тоже был я.

– Меня, между прочим, за это отлупили...

– Ну, не все мои решения идеальны, – смеется. А потом вдруг смотрит на меня внимательно. – Что? Не так рассчитывала построить диалог? Я – Трикстер, дорогая. Никогда не забывай, что я – *сила*. И радуйся, что я – *твоя* сила...

Ну ладно, засиделся я с тобой. У тебя консультация через час, пора тебя отпустить. Работай, а вечером опять над чем-нибудь поржем. Кстати! – оборачивается уже в дверях. – Вот эти носочки в горошек – тоже моя инициатива.

Опять подмигивает и растворяется, оставив меня в задумчивости разглядывать любимые носочки в горошек.

II. Этот бунт – неспроста

– Не хочу работать! – орет мой внутренний ребенок.

– Хочу в тексты! – вопит внутренний писатель, выдирая у меня из рук клавиатуру. – Ты ни хрена не успеешь! Ты опять ничего не делаешь! – тычет в меня пальцем внутренний критик.

На диване развалился мой внутренний Трикстер и, не скрывая восхищения, заходится от смеха.

– Это ты устроил?! – начинаю не на шутку злиться.

– Ну а кто еще! – Трикстер с гордостью расправляет плечи. – Ты посмотри на эту красоту! – Обводит широким жестом мою внутреннюю «психбольницу».

– Специально всех буйных выпустил?! – рычу на него сквозь безудержный гвалт толпы ребенков, которые мчатся к холодильнику за мороженым, сшибая по пути стулья.

Трикстер ухохатывается над этим зрелищем и кивает, подвывая и вытирая слезы. Понятно. Он уже ничего не ответит. И коленка болит. Вот так всегда – шишки набивают внутренние ребенки, а страдаю я! А потом из-за этих страданий страдаю. А потом страдаю из-за того, что страдаю от того, что страдаю. А ему – смешно!

Но я уже поняла, кто такой мой Трикстер. И он явно устроил этот бунт неспроста.

Стоило мне поймать эту мысль, как он становится серьезен, куда-то девается хохот. Он просто сидит на диване и внимательно и хитро смотрит на меня: пойму ли? Разберусь ли с этими «припадочными»? Как усмирю своих внутренних бунтарей?

И я вдруг пугаюсь. Больше сорока лет Трикстер решал мои проблемы, вытаскивал из самых сложных сложностей, тушил пожары и прикрывал мою задницу. А для меня все происходило как будто само собой. Я даже не понимала, как оно все так складывалось – у-дач-нень-ко. И вот, вдруг, из моего спасателя Трикстер превращается в экзаменатора. И я теперь должна, как в «Вокзале для двоих», – сама, сама, сама!

– А ты как хотела? Любишь кататься – люби и катайся. Ты меня сама на свет божий вытащила, насмотревшись Бурлаковой. Я не просился. Условия мне еще какие-то ставить собиралась. Тоже мне, переговорщик. Ну на – рули.

Матерь божья! Снова погружаюсь взглядом в свой внутренний кавардак. Такого не было раньше только потому, что он их держал в узде? Он ими управлял? А теперь отпустил вожжи, и телегу понесло? Пуще, чем Остапа... Лебедь, рак и щука – просто команда мечты по сравнению с тем, что я наблюдаю сейчас в своей голове.

– У тебя есть план? – вопрошаю, с надеждой и мольбой глядя на Трикстера.

– Да щас! Это когда у меня были планы? Я самое спонтанное существо во вселенной!

– Ты кажешься таким довольным собой, знаешь!

– Я не кажусь, – улыбается он ослепительно. – Я всегда доволен собой. У меня к себе претензий нет.

– Ты устроил этот бардак!

– Я. Факт. Ты можешь повторить хоть тысячу раз, ничего не изменится. И бардак от этого не рассосется... – Он картинно вздыхает, снова оглядывая дело рук своих: все орут, никто никого не слушает, каждый хочет заняться прямо сейчас чем-то своим, и мою голову взрывает Критик, который мечет молнии гнева в мое бездействие и пророчит потерю клиента. – Ты будешь с этим разбираться-то, красота моя?

И тут я начинаю ржать в голос. Вот уж кто я сейчас точно не – так это красота. Сижу взмыленная, зареванная, лохматая, с размазанной тушью на щеках, – потому что умыться мой капризный ребенок не захотел, – обляпанная мороженым, обложенная засморканными платочками, да еще и недовольная! Я кто угодно сейчас! Только не красота!

– О! – удивляется Трикстер, услышав мой смех. – Вижу, мои уроки не прошли даром! Хороший первый шаг, дорогая. Что будешь делать дальше?

Дальше я пошла умываться, выкинула сопливые платки, протерла стол, причесалась и сообщила Критику, что он услышан. Сказала детям, что киношечка и книжечка будут после десяти вечера; писателю пообещала завтра дополнительный утренний час (он потребовал три, сторговались на двух) и вызвала внутреннего главреда. Жалобным тоном сообщила ей, что у меня четыре страницы заметок, которые нужно превратить в пресс-релиз. Главред повела бровью и спросила:

– Всего четыре? – кинула уничтожающий взгляд на Трикстера. – По какому поводу, собственно, паника? Подвинься.

– Упс, – икнул Трикстер. – Подстава... Ее не ждал.

– Сгинул! Живо! – главред рыкнула так, что даже я вжалась в кресло. – Полтора часа до эфира! Текст мне. Быстро.

Прошло полтора часа...

– Тук-тук? Ушла? – Трикстер осторожно выглядывает из-за шкафа.

– Да, вроде, – я улыбаюсь до ушей.

– Слышь, мать... – выходит, озираясь по сторонам, – ты меня так больше не удивляй.

– Слышь, батя, – подхватываю, – ты меня так больше не напрягай. Я тебе, конечно, многое в своей жизни должна, но ты помнишь, ежели что, сдохнем с голоду вместе. Да? Чего замолк? Хотел бунта? Вот тебе еще один бунтарь. Получите, распишитесь... – Расправляю плечи, потягиваю шею.

– Совсем распоясалась... – И он щурится, так по-детски смешно изображая угрозу. Наконец-то нам обоим смешно. – Пошли, что ль, пофоткаемся? Настроение – самое оно!

– А и пошли!

– А главредшу свою ты ко мне таки больше не подпускай... Бр-р-р, – передернулся он.

– А будешь мне мешать работать, я вас вообще вместе поселю. В одну нейронную связь запишаю. И бегай там от нее от нейрона к нейрону, дели аксоны и выпрашивай нейромедиаторный сухпак. Она с телека-то ушла, ее тэфями больше не купишь.

– Бо-о-оже! Мамуль... – Трикстер пучит глаза и хватается за сердце. – Откуда в тебе такая жесткость?!

– Ну-у-у... Знаешь, папуль... – подмигнула я. – У меня отличный учитель!

III. Яблоко, автомат Калашникова и клубочки

Глава посвящается Ольге Николаевой, которая на своем воркшопе показала мне, как разобраться с мечтами и истинными желаниями.

Сию после очередного коучингового воркшопа, размышляю: о чем действительно я мечтаю? Один из проверочных вопросов на «реальность мечты»: попробуй почувствовать себя как если бы она сбылась. Именно почувствовать. Не понять что ты делаешь или думаешь, а – что чувствуешь?

Копаясь в ощущениях... И не нахожу вообще ничего... Делаю шаг назад: а о чем я, собственно, мечтаю-то? Перебираю все, что когда-то хотела, но не смогла купить. Оно либо не дотягивает до мечты калибром – мелко, либо уже вообще не нужно. Ну чего в принципе можно хотеть? О чем мечтать? Свой дом? Квартира в центре Москвы? Заработать столько, чтобы купить не в кредит, и именно то, что нравится, а не то, на что хватит? Не чувствую. Вообще ничего не чувствую... Слышу знакомый смешок из-за спины:

– И не почувствуешь.

Трикстер непринужденной походкой отправляется к дивану, садится на спинку, как на скамейку в парке. Достает яблоко, кривой ножик и начинает срезать алую шкурку. Чистит бережно, чтобы получилась непрерывная ленточка.

– Но почему? – я готова отчаяться. – Я же так давно мечтаю о своем доме! Или квартире!

– Не мечтаешь... – Он никуда не спешит. Яблоко тихонько попкикивает под лезвием... – Если мне это не надо, тои тебе не надо тоже. А то, что ты когда-то поверила, что тебе это надо и что это правильно – мечтать о доме, так это не мои проблемы, мамуль.

Я бы сказала, как бесит, когда он меня так называет, но ведь тогда только так он и будет меня называть. Вот же, наградил бог альтер эго.

– Я тебе подыгрывать не буду, – закончил он мысль, – мамуль.

– Чтоб тебя...

– Хорош ботву жевать. Ты знаешь, *кто* в тебе реально *хочет*? Кто это? Он или она? Один или несколько? Дети? Подростки? Взрослые? Я? *Кто* хочет? И кто из нас чего именно хочет? Ты с этим для начала не желаешь разобраться?

– И кто во мне хочет?

– Ты мне решила вопрос вернуть? Я тебе его для себя, думаешь, задал?

– И то верно.

И тут я, по-моему, впервые ощущаю в комнате кого-то третьего. Этот кто-то сидит в кресле, закинув ногу на ногу. Бритый почти наголо, в деловом дорогом, непривычно строгом костюме. Он явно высокий, большой. Можно даже сказать – брутальный. Руки его спокойно лежат на подлокотниках. Он просто смотрит на меня, и его лицо совершенно ничего не выражает. Только покачивает ногой в дорогом начищенном ботинке.

– А вот и мистер Терпение! – Трикстер вскидывает к нему руку с яблоком. – Знакомься. Это твой взрослый.

– Ребят... – робко вспикиваю я, – ...а во мне бабы есть? Или вы там все мужики?

Мне в ответ тишина. Понятно. Я уже знаю, когда мне не отвечают на внутренний вопрос. Значит, что вопрос вообще не тот, который нужен. Странно, что даже Трикстер не настроен подхватить мою шутку. Он вдруг становится отстраненным и окончательно сосредотачивается на яблоке.

Я разглядываю мужчину в кресле. Жесткие черты лица, четко очерченные скулы, довольно высокий лоб. Нос явно сломанный. И вот я всматриваюсь в его глаза. Они настолько светлые, что кажутся почти бесцветными, прозрачными. Холодок пробегает у меня по спине:

такие глаза я в жизни видела лишь однажды. Он прошел Афганистан, работал в милиции, а когда мы «познакомились», был главарем банды, которая «прибрала меня в гости» в качестве заложника, чтобы мой папа кое-что нужное сделал.

Ему было лет сорок пять, мне двенадцать. Я провела неделю в далеком домике еще более далекой уральской деревни с ним и его «товарищами». Нет, меня не обижали, хорошо кормили, у меня была своя комната. Я вообще не догадывалась, что меня похитили.

Его называли Вертолет. И он очень много со мной разговаривал... Так много и *так* разговаривал, что я уже на третий день хотела только одного: побыть тут подольше. Нет, я не скучала по родителям. Я вообще ни по чему и ни по кому там не скучала. Я смотрела, как он чистит «калаши» и «макаровы», и страшно расстраивалась, когда он выходил «порешать вопросы» к регулярно подъезжавшим машинам. К концу недели он рассказывал уже о Боге и дьяволе, о том, что такое напалм, еще про Афган и про «органы», про оружие и засады, про разведку и про то, как организованы банды... Я это помню.

И когда мне сказали, что пора домой, я расстроилась и спросила, можно ли остаться. Он тогда посмеялся, потрепал меня по голове и сказал: «Тебе еще жить и жить. И башку помыть пора. Топай давай». И я потопала к машине. А в машине ревела. И никак не могла понять, почему мужики меня утешают тем, что «все же хорошо закончилось-то, чего ты ревешь?».

«Да как же хорошо-то?!» – думала я и продолжала плакать, потому что чувствовала – больше Вертолета не увижу. Так и случилось.

Я не понимала, почему родители тоже ревели, и оба меня обнимали и целовали, и почему мать шипела на отца, что «это все из-за него!». Чего они меня хватают?! Потом меня таскали по врачам, а я вообще не понимала – зачем?! Я ни с кем не разговаривала, потому что мне больше было не интересно... Я в двенадцать знала, что такое шомпол и как чистить калаш! А вы мне рассказываете, как бутылки ершиком мыть? Идите в жопу. Мою грубость списывали на «дурное влияние» и «сложную ситуацию». Они еще долго не узнают, на какую грубость я теперь способна! Я их лет в четырнадцать начну сильно удивлять.

Но тогда, в двенадцать, я притихла, потому что хотела подольше сохранить в памяти рассказы большого дядьки с полупрозрачными светло-светло-серыми глазами, которые так быстро перестали меня пугать.

И вот теперь этот почти Вертолет сидит в кресле и смотрит на меня... И я чувствую себя двенадцатилетней девчонкой... и безгранично ему верю.

– Кто ты? У тебя есть имя?

– Меня... зовут Артур.

Точно! Я слышала в том доме это имя! И не раз. Может... Вертолета действительно так и звали?

– Ты мой взрослый?

– Один из.

– И ты пришел... для чего?

– Решать вопросы.

Слезки закапали из моих глазок. Магическая фраза: «Решать вопросы». Ключ от всех моих дверей! Мантра, которая окунает моего испуганного ребенка в теплоту абсолютной безопасности будущего. Почему я не пользовалась этой фразой раньше?!

– Как же долго я тебя ждала!

– Да я больше чем полжизни с тобой, – что-то вроде умиления промелькнуло на лице Артура. – Я всегда тут. Какой вопрос у тебя сегодня?

– Про мечты!

– Это не ко мне. Это к нему, – и Артур спокойно указал пальцем на Трикстера, едва приподняв ладонь с подлокотника.

Трикстер кинул на меня взгляд исподлобья, словно хотел удостовериться: а не дура ли я, часом?

– Каждый решает свои вопросы, мамуль. И мы, в отличие от тебя, в ролях не путаемся... – И он вновь занялся чисткой яблока.

– *Ко мне* какой вопрос? – уточнил Артур уже у Трикстера. Видимо, понял, что от меня пока толку мало.

У него все четко. Все по полкам. Недаром он в костюме.

– Объясни нашей бредовой головушке, почему ей не нужны ни дом, ни своя квартира.

Он все чистил яблоко, и кожурка уже какими-то нескончаемыми метрами скручивалась в непрерывную спираль на диване у его ног. Можно подумать, что Трикстер чистил Луну, а не обычное яблоко.

– Давай подумаем вместе, – Артур подался вперед, уперев локти в колени, сложил пальцы в замок. – Тебе зачем? Чтобы разбираться с документами и налогами? Чтобы вписываться в бесконечные ремонты? Чтобы самой решать вопросы поломок или какие-то другие проблемы? Ты с чего вообще взяла, что хочешь свой дом?

Я задумалась. А и правда, с чего?

– С того, что у всех в тусовке, куда она так хотела когда-то попасть, были свои дома, – влез Трикстер.

– Я не тебя спросил.

– Молчу!

– Уже все сказал, – Артур снова посмотрел на меня. – И тем не менее он прав. А еще с того, что во всех этих бесконечных мотивационных и бизнес-книжках именно дом приводят в пример мечты чаще всего.

– Да! – И тут меня осенило. – Да! «Представьте себя в собственном доме у моря», «все мечтают о собственном доме», «собственный дом – это прекрасно». Читала многожды.

– Да, – кивнул Артур. – Ты же знаешь теперь, что мозг так устроен: он выполняет команды. Ему говорят «представь», он представляет. Ему говорят «все», и он решает: это значит, что и он тоже. Ты уже это понимаешь?

– Да!

– Итак, внимание – вопрос. Ты – все? – Он встал, откинул полы пиджака, сунул руки в карманы брюк и заходил по комнате как мой отец, когда читал мне лекции по философии! – Давай анализировать, – продолжил Артур. – В твоей жизни было что-нибудь, чего ты хотела, и при этом не получила? Работа? Деньги? Мужчины? Машины? Города? Карьера? Образ жизни?

– Н-нет... – мотнула головой, готовая к инсайту.

– Компании, в которых ты работала? Тебя Google хантил два года назад. Ты почему не пошла?

– Я пошла! Но не дошла...

– Почему?

– Потому что российский Гугл идиотически устроен. И я не захотела в эту кабалу...

– Правильно. И вот мы подошли к следующему вопросу: как долго в твоей жизни задерживалось то, чего ты *не* хотела? Мужчины? Машины? Квартиры? Города?

– Никак не долго. Не задерживалось...

– Деньги?... – Артур остановился и вперил в меня свой пронизывающий взгляд.

– Были деньги...

– Я в курсе. Мы с главредом их и зарабатывали. Столько заработали, что можно было три дома купить. Ты купила?

– Нет.

- Я тебе предлагал купить?
- Предлагал.
- Ты почему не стала покупать?
- Я... не хотела?...
- Это вопрос?
- Я не хотела! Но почему я не купила то, что хотела?! Почему профукала миллионы?!
- Это другой вопрос. Я рад, что ты его задала.
- Я его задавала тысячи раз!
- Ты не мне его задавала, – отрезал Артур. – В твоей голове деньгами управляю я, –

тон его не оставлял возможности для возражений, – и я это делаю эффективно. Когда ты мне позволяешь... К этому мы еще вернемся. А сейчас к вопросу о том, почему ты профукала... Видишь ли, в чем штука... Когда ты заполняешь пространство своих желаний, – он снова указал на Трикстера, – чьими-то *чужими* желаниями, ты не в состоянии расслышать собственные. И я не про метафоры, это не мой стиль. Я вот про что... Ты не можешь слушать две песни одновременно. Писать два текста сразу. Разговаривать одновременно с двумя людьми. Мышление линейно, в отличие от твоего любимого пиара. И вот ты нагроулила его «желанием дома», дала команду. Мозг из всех сил эту команду пытается удержать в фокусе, и ни на что другое у него ресурса нет. А силы он прилагает к этому фокусу неоправданно большие, потому что ему чуждо то, на что ты его направляешь. Как в детстве физика тебе была чужда. Но приходилось делать домашку. Кстати, ты ведь ее так и не делала... Это тоже в копилку ответов на мой второй сегодняшний вопрос: как долго в твоей жизни задерживалось то, чего ты *не* хотела.

- Я даже экзамен сдавала.
- Ты без домашки умудрилась его сдать... Сложно было?
- Неимоверно сложно.
- Вот и с чуждым, навязанным желанием – все точно так же: *неимоверно сложно хотеть*

то, чего не хочешь... – Артур все расхаживал по комнате. Шаг у него твердый, даже тяжелый. Поступь Каменного гостя, не иначе. Как же прекрасно, что он на моей стороне! – Еще раз: слишком много ресурсов приходится мозгу отдавать на то, чтобы хотеть чужое желание. И на то, чтобы расслышать желания реальные, сил не остается. У тебя просто не хватило сил расслышать, чего ты на самом деле хочешь.

Трикстер вдруг вскинул голову, и я шарахнулась. Почти вся его голова была замотана скотчем. Рот, глаза, нос, уши. Все залеплено. Руки примотаны к коленям почти по локоть. И сидел он не на диване, а в каком-то подвальном углу. И ноги его были вмурованы в пол. Он пытался что-то мычать, но с каждым звуком скотч наматывался на него еще одним слоем.

- Вот так он провел последние лет десять, – Артур пожал плечами.
- Какой ужас...

Мне захотелось кинуться и сорвать всю эту липкую ленту, но она исчезла сама. Снова диван, яблоко, поблескивают изумрудами хитрые глаза. Нет больше скотча, нет! Размуровала я своего Трикстера. Этот вопрос решен. Но жестокая картинка еще долго будет стоять у меня перед глазами. Как напоминание – на что я способна по отношению к себе, когда не хочу слушать внутренние голоса...

- А ты говорил мне, что я не хочу то, что хочу?
- Говорил. А ты меня слушала? – Артур удивленно поднимает брови.
- Можно я вякну? – Трикстер потягивается и разминает шею. Его ноги закрыты кожей по самые щиколотки. А яблоко до сих пор недочищено. – Ты же нас всех в какой-то момент заткнула. У тебя дети чуть с голоду не сдохли!

Трикстер показал в угол комнаты. Там сгрудились внутренние ребенки в ожидании развязки. Мне с ними со всеми еще предстоит знакомиться заново...

– Ты ж не просто никого не слушала, ты вообще никого из нас не слушала! – Он схватился за голову. – Ты и текст свой чуть не угробила. И все ради чего? Ради того, что какие-то идиоты научили тебя *список покупок считать мечтами?*!

– Да, – Артур задумчиво кивнул. – Это твое дьявольское упрямство, когда не в тексте, оно тебя как одержимую уводит черт-те куда.

Он вроде и холоден, но я чувствую, что в этом «дьявольском упрямстве», в том, как он это произносит... что-то вроде гордости за меня. Мой внутренний взрослый мной гордится? И я им горжусь! Они оба читают мне нотации, но мне не обидно, не страшно и не больно. Я знаю, что с их помощью наконец-то решу все вопросы.

– То есть мечты все не мои? – отчаянно ищу правильный вопрос.

– Ты про какие мечты? – уточняет Трикстер. – Про те, когда ты мечтала оживлять игрушки и уметь перемещаться во времени? Эти – твои. Исконные. Но неактуальные, слава богу. А то отдыхали б мы щас где-нить, под надзором добрых докторов. А те, когда ты якобы хотела бизнесы строить грандиозные, – это вот я вообще в душе не ведаю – чье.

– Игрушки оживлять... Ты б еще вспомнил, о чем я в три года мечтала.

– Так я помню. О том, чтобы родители друг на друга не орали. О том, чтобы все кричащие люди исчезли. О том, чтобы тебе кошмары не снились.

– Я этого не помню...

Умеет же он выбить меня из колеи...

– Это не твоя работа – помнить такое. Но я не выбиваю тебя из колеи, дорогая. *Я тебе прокладываю другую колею.*

– Понятно... Ты мои авторские ремарки тоже слышишь.

– У тебя память отшибло? Это я делаю твой текст. И вообще-то мы в твоей голове. Я слышу все.

– В общем так, – останавливает нас Артур. – Дальше с мечтами вы разберетесь без меня. В завершение тебе, родимая, напомним: любой вопрос я могу решить, любую задачу. Ты только меня научись слышать. Мы с тобой столько дел переделали за твою жизнь, если список составлять, никаких тетрадок не хватит. Я тебе всегда и мандраж отключу, и голову правильно настрою, и вопросы грамотные задам. И сам на них отвечу. Я голос внутренний, мне можно себе за тебя отвечать. И что делать – тоже всегда расскажу. А теперь про мечты твои вот с ним договорись, – он кивнул в сторону дивана. – А потом зови, разберемся, как их в реальность воплотить. А на сегодня у меня все.

Он исчез так же неожиданно, как появился.

– Не любит рассусоливать, – Трикстер довольно улыбнулся. – Жесткий мужик у тебя Артур. Зря ты его на шесть лет заткнула.

Он уложил очередной виток яблочной кожуры.

– И о чем же я мечтаю? – с детской готовностью схватила я за ручку и раскрыла дневник.

– Во дает! Так это не работает. Вон эту ораву видишь? Вот у них придется узнавать.

Я снова посмотрела в угол комнаты. Там целая куча детей. Все мои? Зареванные и сердитые, обиженные и разочарованные, сосредоточенные и растерянные, голодные и с ободранными коленками... сопливые и одинокие... тихо играющие за диваном... ждущие маму в темноте... толпятся девочки и мальчики разных возрастов...

Вон какой-то пятилеточка с игрушечным автоматом Калашникова... А я ведь помню, как Вертолет говорил, что у него сын есть, а дочери нету. И помню, что думала: как жалко, что я не его дочь. Вон девочка лет девяти мечтает о коляске для кукол. И она ее не получит, кстати. Но эта несбычка не считается. В том возрасте исполнение мечты полностью зависит от родителей. К сожалению. А вон шестилетняя я роняю слюни на страницы каталога с фотографиями Барби.

Тоже не получу, между прочим. И слава богу! Они в 1980-х годах удивительно уродливые были. И какая-то бесконечная эта армия разновозрастных ребенков.

– И что мне делать с этим детским садом?

– Разговаривать, родная. Разговаривать...

– С каждым?!

– С каждым.

Очередной метр кожуры заворачивается на диване.

– Это ж сколько лет уйдет со всеми с ними разобраться! – Я почти в ужасе.

– Да ты не бойсь, мамуль. Они все друг друга за собой тянут как цепочка. Разгребешь проблему одного, сразу четверо-пятеро освободятся. Это ж клубок. Ты тяни за ниточки и смотри: или тянется, и клубок разматывается начинает, или узел затягивается... тогда отпускаяй, с другой стороны вытягивай.

Опять выходить в адреналиново-кортизолные шторма. Опять бултыхаться там в ожидании дофамина-эндорфина. Господи... И ведь этот марафон – на всю оставшуюся жизнь.

– Ничего, дорогая, лет через двести ты все размотаешь.

– Утешил... – Я не отвожу взгляда от разношерстной сопливой толпы. – И чего же мы хотим?... О чем мы на самом деле мечтаем?

– О как. Наконец-то ты к нам *на мы!*

Ленточка-кожурка вдруг закончилась!

– Ох, красotka, плохо ты Артура слушала. Все-то тебе объяснять пока надо, – Трикстер отложил ножик. – Мы сбываем все наши мечты. Неисполненных у тебя *нет*. Но вот новые – ты теперь знаешь, где взять.

– У внутренних ребенков?

– У них, – кивает Трикстер.

– Ты же главный там... Ты мне поможешь?

– А то! Мне и самому эта уборка нужна... – Он подошел ко мне. – На, скушай, – и протянул мне... нечищенное яблоко!

Боже, какой банальный образ! Я не могла придумать что-нибудь более оригинальное?

– Зачем? – Трикстер расцвел своей фирменной кривой улыбкой. – Все давно придумали, мамуль. Бери и жуй.

Он потряс яблоко, как бы намекая, что взять его мне придется. Я бросила взгляд на диван. А как же метры кожуры?! Но там вместо нее лежали разноцветные клубочки с торчащими ниточками.

– Слышь, Ева! Я тут долго стоять буду? Бери яблоко, говорю! Оно с *дерева познания себя*. Хорош артачиться. И я тебе не Змей. *Я тебе – ты!* Дурында... И вообще, в книге, о которой ты думаешь, ни слова про яблоко нет. А смоковница – это вообще инжир! Но да, образ действительно всем понятен.

Взяла я это яблоко с древа познания себя. Мне предстояло распутать все клубочки моего замороженного и недопонятого детства. И для этого занятия придется подкрепиться.

– Еще бы неплохо начать себе доверять. Когда ты не доверишь мне, ты не доверишь себе.

Трикстер смотрел выжидательно.

Я демонстративно откусила от яблока. Сладкое. Какое же оно сладкое! Но когда я на него посмотрела... оно было целым... Ни следа от моих зубов...

Трикстер удовлетворенно покивал, щелкнул пальцами и растворился вместе с оравой из угла.

А я осталась с горой клубочков на диване и со своим неочищаемым и несъедаемым яблоком, смысл которого мне предстоит расшифровать.

IV. Ваше величество, мы не знакомы...

Задумала я тут найти свою внутреннюю королеву. Согласно умным книжкам должен быть у нас внутри такой архетип – правитель. Наша высшая внутренняя психическая сила. Самый главный взрослый.

Стоило только задуматься, и тут как тут – поклонник носочков в горошек.

– Правителя твоего Артуром зовут. На днях вы вроде знакомились, не?

– Знакомились, да. Но я хочу найти королеву. Правительницу. Женского пола. Женщину свою внутреннюю – хотя бы одну!

– Королеву, значить... Хех, – Трикстер усиленно трет под носом, – та еще засранка, скажу я тебе...

– Засранка? – на всякий случай уточнила я. – Это ты про королеву мою? Точно?!

– Про нее, про нее... – И посмотрел на меня как-то хитро. Слишком хитро!

– А ты разве ей не подчиняешься? Не подданный ее?

– Ты упала, мамуль? Я по сути своей подчиняться не создан. Я не для этого предназначен! – Трикстер развалился в кресле, закинув ногу на подлокотник. – А где клубочки? Чо, не разбиралась исчо?

– Ты давай, с темы не съезжай. Что за дела у тебя с королевой? Ты чего такой хитрющий? Выкладывай.

– Не узнаю вас в гриме, мамуль! – Трикстер спускает с носа несуществующие очки, вглядываясь в меня с театральным прищуром. – Это кто сейчас оттуда со мной говорит? Я ведь эти интонации знаю! Выходи, Артурчик! Побазарим, чо. Про бабу твою.

Меня смывает со стула, а на моем месте уже сидит Артур, и он явно чем-то недоволен. Чувствую себя лишней на этом празднике жизни, но из своей головы свалить некуда, да и действо сейчас, похоже, развернется весьма нешуточное.

– Ну, – снова вступает Трикстер, – зови, что ль, свою Персефону! – В его руках уже клубок ниток, который он начинает подкидывать и ловить. И в такт этому жонглированию продолжает: – Ниррити свою зови! Свою Хине-Нуи-Те-По! Свою Миктлансиуатль... – Каждый раз, клубок подлетает одного цвета, а в руки падает – другого. – Эрэшкигаль свою ненаглядную! Прекрасную свою Хель! Ламия где твоя? Зови!

– Всю мифологию перебрал? – Артур швыряет ручку, и та, как копье, на лету прошивает клубок, припиливая его к стене.

«Правильно меня отец учил, что оружием может быть любой предмет», – подумала я и снова похвалила себя за стратегию невмешательства. Неужто мои внутренние мужики не поделили мою внутреннюю бабу?! Вот это будет поворот!

Но про меня, к сожалению, не забыли.

– Ты чего там притихла в уголке, мамуль? Тут без тебя-то не обойдемся... – Трикстер вытащил из стены ручку. Клубка уже не было. – Сила есть – ума не надо – это, Артур, не про тебя... – И он щелчком отправил ручку обратно на стол. – Знаешь, мамуль, – поднял он на меня одну бровь, – от твоей королевщины нас всех спасло только то, что мы в твоей голове – неубиваемы. Бессмертны. Если бы существовал хоть один способ безоперационного и немедикаментозного уничтожения субличностей внутри отдельно взятой психики, твоя взбесившаяся королевна угробила нас всех еще лет тридцать назад! Еще во время своего восшествия на трон, так сказать. Твоя внутренняя Брюнгильда¹ даже пискнуть бы не успела.

---

¹ Брюнгильда – в скандинавской мифологии одна из валькирий. Валькирии – воинственные девы, дарующие по воле бога Одина победы в битвах. Кроме того, есть историческая личность с таким же именем – королева франков (ок. 560 года н. э.).

– А говорил, в ролях не путаешься... – Артур суров сегодня. – Это Брюнгильда нас чуть и не перебила.

– Э-э, давай вернемся к истокам, дорогой! – вскакивает Трикстер с кресла. – Если бы свихнувшаяся королева не превратила бы нормальную Брюнгильду в безумную Морриган², отличная была бы у нас внутренняя армия! И не приходилось бы мне детей запрягивать по закоулкам мозга, чтоб их не пытались сожрать их же защитники!

– Мужчины мои внутренние! – вмешиваюсь поскорее. – Я так понимаю, речь о моем внутреннем воине уже? Так?

– Так, так. Умняшка ты наша.

– Артур! – решаюсь я. – От него толку сегодня, как я поняла, только на энциклопедию мифов хватит. Может, ты мне объяснишь, что происходит? Я должна поговорить с королевой. Как мне это сделать? Позвать ее? Самой к ней пойти?

Артур долго изучает мои глаза. Видимо, в желании убедиться, что я готова к этой встрече. И когда я слышу «идем», что-то вроде беспокойства пробегает у меня между лопатками.

– Мать, да ты так не напрягайся, – напутствует Трикстер. – Ты ж тоже не ее подданная. Ты что-то вроде хозяйки вообще-то. Всего нашего тесного круга узких друзей.

– Он имеет в виду хозяйка всего своего внутреннего мира, – спокойно расшифровал Артур, поправляя пиджак.

– После слова «всего» мог бы и остановиться, – и я поводила ножкой по полу. Но нет же. До *хозяйки всего* надо еще дорасти.

– Держи клубочек на дорожку... – Трикстер вручает мне тот самый разноцветный клубок, который только что подкидывал, валяясь в кресле. – Пригодится. Я рядом, если что, – добавил он уже Артуру.

Одно моргание, и мы – в каком-то гигантском полуразрушенном замке, темном, с бесконечными коридорами, с потолками этажей в пять, с широченными, но обрушенными лестницами. Высокие окна пусты, мебель переломана, какие-то картины на стенах – висят криво, подраны, рамы скривились, изображений не разглядеть. Слышу, как прорастает сквозь трещины в каменных стенах плющ. Ни души. Ни движения. Ни звука.

– Где мы?!

– Твоя королевская резиденция, – вздыхает Артур.

Моя?! Королевская?! Нет-нет-нет! Я вообще не так себе представляла свой внутренний замок! И тем не менее... оказывается, он именно такой...

– И кто же его так... разворотил-то?

– Ты... – Артур смотрит на меня почти устало.

Я благодарна тебе, мой прекрасный внутренний взрослый, что привел меня сюда.

– Я должна починить?

– Если хочешь, – пожал он плечами. – Это все в таком виде лет с восемнадцати, и живем же как-то. Но я бы советовал починить, да. Если не хочешь и дальше «как-то». Если хочешь как надо, как ты заслуживаешь. Если хочешь как хочешь, а не так, как вышло.

– Научи меня, как починить?

– Поговори с королевой.

И, пожав плечами, Артур исчезает. Мои уши заполняют вопли, рыдания и детские крики. Как будто все роддома мира сейчас звучат в моей голове. Я жмурюсь, но даже сквозь зажмуренные веки чувствую сияние. И явно не зубовный скрежет заполняет огромную каменную залу. О нет! Находиться в собственной голове с зажмуренными глазами – наихудший вариант! Я так ничегошеньки не решу! И я открываю глаза.

---

² Морриган – богиня войны в ирландской мифологии.

На меня на всех парах, скрежеща металлом о каменный пол, несется трон! Светясь чем-то холодным, сине-зеленым, почти больничным, он угнетает еще больше, чем весь разрушенный замок. Неестественно высоченная спинка скрежещет о каменный потолок. Куски камней с грохотом обваливаются, добивая мебель, которая еще не превратилась в щепки. Трон замирает в метре от меня. Там, наверху, где-то в районе третьего этажа, восседает королева. Она склонилась, чтобы разглядеть меня – с таким лицом, словно таракан осмелился преградить ей дорогу. «Ничтожество! – слышу я сверху. Ты пришла со мной тягаться?! Да кто ты такая?»

Я готова попятиться. Но вдруг слова зазвучали, будто отскакивая от голых стен: «Ты не ее подданная, ты что-то вроде хозяйки». Что-то вроде? О нет. Я и есть – хозяйка. И в моих силах, в моей воле не быть тут ни для кого тараканом!

– Здравствуй, дорогая королева. Это я. Я – здесь главная личность. И я же – ваш дом. И я пришла узнать, зачем и за что ты разрушила *свой* дом. И почему Трикстер вынужден прятать от тебя детей? И почему мой внутренний воин сошел с ума? И почему ты не правишь мудро, как должна? Королева? Спускайся! *Я здесь хозяйка всего!*

И я дергаю ножку трона. Чертовски хочется посмотреть на нее, на мою королеву. На мою Внутреннюю Верховную Взрослую. На ту, что интегрирует силу в сердцевине моей психики. Ту, что объединяет все мои субличности, распоряжается моими решениями, моей жизнью, в конце концов! Я хочу ее увидеть! Трон уменьшается и опускается...

– Мама?!

На съезжившемся трончике скрючилась моя малюсенькая мама... В прямом смысле – малюсенькая. Дай бог с хомяка размером. Смотрит на меня испуганно и что-то неразборчиво пищит. Рядом появляется Артур, из-за спинки трона заглядывает на сиденье ошарашенный Трикстер.

– Что?! – оба выпаливают почти хором.

Я смотрю на них в изумлении: это – королева? Вот это?! Это просто моя мама... Причем без голоса даже. А мужчины мои смотрят на меня разинув рты.

– Разговор вышел предельно коротким, как я понял, – Артур как будто поклонился. Мне.

– Да я с троном, по-моему, больше разговаривала, чем с ней. Она не Королева, Артур. Трикстер? – перевожу на него взгляд...

Он стоит онемевший, не сводя с меня своих прекрасных хризолитов.

– Клубочек, ваше величество... – и робко указывает пальцем на мою руку. – Самое время.

Ваше величество? Хмурюсь. Смотрю на клубочек. И что я должна с ним сделать? Моя рука!..

Я уходила в футболке... Но сейчас мое запястье обтягивает рукав из мягкой бордовой ткани, а половину ладони закрывает пышный кружевной манжет. Пытаюсь оглядеть себя. Я в платье! Платье в пол! Белые кружева, драгоценные камни и золотое шитье... И руки в перстнях, и воротник едва ли не выше головы. И волосы... У меня – высокая прическа? Осторожно двигаю шеей – пока еще боюсь делать резкие движения. В ушах моих тяжелые серьги, а на груди колье. Теперь я его чувствую, потому что декольте платья – что надо... Опускаю взгляд на собственную грудь. А вот и хризолиты... И мои любимые гранаты, и прекрасный дымчатый топаз.

Клубочек, говоришь? Самое время, точно. Я знаю, что с ним делать. Дорогой мой Трикстер! Ты же меня всему уже научил! Ты все мне показал. Да, замок должен быть восстановлен. Моя королевская резиденция будет прекрасна!

Я подкидываю клубок. Он улетает под самый потолок. На миллионы разноцветных искр распадается в воздухе нитки, заполняют разрушенное пространство, вылетают в пустые окна, окутывают разбитую мебель, возвращают обрушенные камни к потолкам в высоту пятиэтажного дома. Позвякивают хрусталем люстры, разворачиваются ковры, убегает плющ, зарастают трещины в стенах. Еще не все. Еще какое-то время мы будем собирать этот замок обратно. Но

уже светло и тепло. И я вижу лепнину и лаковые перила еще восстанавливающихся лестниц. И картины скоро тоже станут видны!

— Это не чудо. Это работа. Большая работа. И мы ее выполним.

— Займи трон, хозяйюшка, — Трикстер изображает какого-то средневекового пажа, вытанцовывая реверансы и обеими руками указывая на сиденье. Но там, скрючившись, плачет моя внутренняя мама. Положа руку на сердце, мне не очень хочется на нее садиться.

— Я могу постоять.

— Как вам угодно, вашество! Каково будет первое осознанное распоряжение?

Первое осознанное распоряжение...

— Домик для этой несчастной, — и я показала на сиденье.

Мама моя вздрогнула в ужасе.

— Ты думала, я убью тебя? — Наклоняюсь к ней. — Зачем мне это, мама? Достаточно того, что ты отныне лишена голоса внутри меня. Ты больше не командуешь этим парадом. Смотри, до чего ты тут докомандовалась... — Оглядываю залу, разводя руками. — Но можешь жить тут где-нибудь, на подоконнике, попискивать тихонько — ради бога. Однако кормить тебя больше никто не будет. Своих страхов я тебе больше не дам и голоса тебе не добавлю. Но эти стены с удовольствием выслушают твои морали и нотации, твои издевки, едкие комментарии, а также причитания по поводу того, как я к тебе несправедлива.

Мама начинает рыдать.

— Не-не-не. Мам... Это тоже больше не работает. Вон тебе домик принесли, там рыдай. Если захочешь меня похвалить или помочь — просто улыбнись, я подкручу тебе громкость.

Да, конечно! Улыбнись... О, какая коварная я королева! Чтобы моя мама да мне улыбнулась?! Да быстрее секвойя станет морской черепахой, чем я дождусь от нее улыбки. Ну... шанс я ей таки дам. Не все в ней настолько ужасно.

— А я б сел, — задумчиво, но уже беззлобно произнес Трикстер.

— Она еще пригодится, — парирует Артур и распоряжается, чтобы мамин домик поставили на окно.

— Тебе виднее, мистер рассудительность. Теперь вы можете занять свой трон, госпожа.

Трон, однако, преобразился... Ни металла, ни нелепой спинки. Нормальный такой, обычный трон. Удобный, кстати, оказался. В общем, меня устраивает. Что же дальше? Смотрю на Артура. Но мне не нужен ответ. Я знаю, что дальше. Перетряхиваем все указы, внутренние распоряжения, регламенты, мыслительные процессы, «причинно-следственные» выводы, вердикты, модели мышления и поведения. Отныне здесь решения принимаю я. Но кого-то мне не хватает...

— Артур? Ты — мой король?

— Похоже на то... Только... Можно мне вот без этого королевского наряда? Меня абсолютно устраивает костюм... Да. Спасибо.

— Ну вот, мамуль, ты... простите... ваше величество! Вы спрашивали — есть ли бабы. Вот, собственно, главная баба — это вы сами и есть!.. Что-то, кажется, не то я ляпнул...

А мне смешно. Я — своя главная баба. Нет, я не злюсь на своего Трикстера. Он прекрасен, талантлив, свободен! Мой волшебный внутренний советник. Мой самый яркий внутренний свет. Неутомимый проводник и создатель моих внутренних миров. Неужели я могу обидеться на тебя за «бабу»?

— Я сейчас расплачусь... — Трикстер картинно смахивает несуществующую слезинку со своей щеки и показательно шмыгает. — Какой текст! Какой текст! И все — в честь меня!

— Я рада, что ты рад, дорогой. Однако у меня к вам оч-чень много вопросов, мужчины...

— Ты знаешь — мы ответим на все, — кивает Артур.

Да, я хочу так много у себя спросить! Так много о себе узнать. Кажется, я только начинаю настоящее знакомство с собой. И все эти внутренние «встречи» каждый раз показывают мне

удивительную штуку: я совершенно не знаю этого человека. Человека, которого сорок пять лет вижу в зеркале по несколько раз в день. Мы не знакомы. И именно это я сейчас исправляю.

V. Все больше всего

Глава посвящается Юле Бурлаковой. Этот текст изначально создавался как домашка по ее медитации: «Представьте... спросите... дайте... услышите...» Мы искали «выживальщика». И я представила, спросила.

А дальше все пошло не по плану...

Мой внутренний лес. Сосны. Иду, похрустывая веточками.

Птицы, белки, земляника. Уже почти лето, солнце отбрасывает длинные тени. Насколько это возможно в лесу. Часов одиннадцать утра. Я вижу холмик, а в нем грубовато скроенная деревянная дверка. Будто для гнома – в полный рост не войдешь. Я не помню ее здесь раньше и решаю зайти. Спускаюсь недолго по каменным ступенькам, по земляному коридорчику, и коридорчик этот какой-то бесконечный. И все такое узкое! Воздух земляной, спертый. Свет тусклый – лучинки торчат из земляных стен. Слышу ритмичные звенящие удары. Кирка? О скалу? О металл?

Вхожу в малюсенькое круглое пространство. И вижу довольно высокого, но очень худого мужчину. На нем старая серая каска, покрытая каменной пылью, испещренная трещинами. Мужчина действительно долбит киркой по куску скалы в земле. Он здесь, видимо, так долго, что его черная роба стала велика ему размера на два – так он истощен. Но ему не во что переодеться. И, видимо, некогда.

– Что ты делаешь? – спрашиваю его.

– Не даю скале разрастись. Сбиваю каменные наросты.

– Кто ты?

– Твой труд.

– Как тебя зовут?

– Труд.

– Почему тебе тяжело?

– Любому тяжело делать работу, которая не приносит плодов... – Он наконец смотрит на меня. Глаза его уставшие, в сеточках морщин, он кажется едва ли не старше меня. Блеклые, выцветшие. Потухшие. Даже ресницы его – в каменной пыли.

– Тогда почему ты продолжаешь?

– Потому что больше некому. Некому меня заменить здесь.

– Ты можешь просто оставить эту скалу?

– Не могу. Она тогда разрастется, растолкает всю землю, вылезет наружу и разрушит все вокруг.

– Откуда тебе знать? Может, она разрастется на полметра и остановится сама! – мне страшно за Труд. Он долбит со всего маху уже неведомо сколько лет! Камни отлетают от скалы и растворяются на земле, испаряются. А скала проворачивается и не уменьшается.

– Те, кто работали тут до меня, так сказали.

– А ты проверял? Ты останавливался?

– Конечно нет. Я не хочу, чтобы все вокруг разрушилось.

– Как ты тут выживаешь? Что ты ешь? Что пьешь? Ты вообще спишь?

– Здесь есть корни деревьев, насекомые и мыши. Вода стекает по корням и по самой скале. Спать мне некогда.

– Ты вообще не спишь?

– Раз в два дня могу поспать. Несколько часов. Пока не упаду – не усну: боюсь, что скала меня раздавит.

– Так выйди отсюда!

– Она вырастет туда, наружу, и раздавит все. Не тут, так там – она меня догонит. И тебя догонит. И всех догонит.

– Но ты же этого не знаешь.

– Так говорили. Кто я такой, чтобы проверять? Если они были правы, я тогда ничего не успею исправить. Тут, – он показал на место, в которое бил, – и только тут откалываются камни. Но она все время вертится! Она бесконечно крутится!

И он снова бил, бил, бил еще и еще. Из-под его каски градом лил пот, он вытирал изможденное лицо мокрым рукавом и продолжал долбить скалу.

– Миленький мой! – взмолилась я. – Скажи мне, в чем ты нуждаешься? Нужно ли тебе что-нибудь? Воды? Еды?

– Света и солнца. Воздуха и ветра, – он вдруг замер на мгновение. – Они когда-то у меня были, я помню. А еще я помню собаку. Большую и добрую. Кажется, она умерла, – он как будто очнулся, коротко тряхнул головой и снова занес кирку. Вновь застучало и зазвенело.

Я села и заплакала... Это я к себе так?... Это я с собой так?... Это же как нужно к себе относиться, чтобы – вот так?! Больно ли мне? Неимоверно! Но это слезы прозрения. Откровения. Слезы правды, так внезапно обнаруженной. Я не буду их останавливать. Я еще не знаю сейчас, чем закончится эта история, но точно знаю, что должна спасти Труд. Он сделал достаточно. *Достаточно!* Он имеет право на свет и солнце. На воздух и ветер. И на собаку. Большую и добрую.

– Остановись!

Он не слышал меня. Или не хотел слышать. Не знаю. Но мне показалось, что он скоро умрет. Мне даже показалось, что он к этому стремится! И теперь, когда я заставила его вспомнить солнце и воздух и собаку и этим вынудила яснее ощутить безнадежность его положения, почувствовать бесконечный контраст – того, что было, с тем, что есть, он принял это страшное решение для себя: «Я буду трудиться еще больше, и пусть я умру быстрее». Я прокричала «Остановись!» еще несколько раз, но он все так же, даже еще яростнее лупил скалу. А она все двигалась, и двигалась, и ни на миллиметр не уступала... Я должна что-то сделать, что-то решить прямо сейчас. Иначе он умрет!

– Ты можешь уйти отсюда!

Он отказывался меня слышать.

Я хотела кинуться между ним и скалой. Может, он перестал бы стучать? Но поняла, что – нет. Он отодвинет меня и продолжит. Но любая выносливость имеет пределы. Любые силы когда-нибудь закончатся. *И* только упорство его, кажется, не имеет границ.

– Сколько лет ты здесь?

– Около тридцати.

– Мне было четырнадцать тогда?

– Нет. Значит, больше. Тебе было девять, когда стала расти скала, и я начал копать туннель.

– Ты знаешь, сколько нам лет?

– Я думал, еще нет сорока.

– Нам через неделю – сорок пять.

– Ох... – он снова вытер лоб, – я тут действительно долго...

– Что бы ты сделал, если бы мог выйти отсюда?

– Побежал бы купаться. Загорать. Я бы валялся на траве и жевал бы травинки. Я бы ел только фрукты. И завел бы собаку. Я бы объездил с ней весь свет, жил бы в самых разных местах. Занимался бы самыми разными делами. Только бы не этой долбежкой...

– А чем бы ты занимался?

– Я слышал, где-то там, наверху, живет гениальный Трикстер. И он придумывает миры. Я мог бы ему помогать. Думаю, я смог бы создать с ним много самых разных миров, в которых могли бы жить самые разные прекрасные существа и происходили бы самые невероятные, но истинные вещи. И я сам бы тоже там происходил...

И он снова занес над головой свою проклятую кирку. Пора идти ва-банк!

– Дорогой Труд! Хочешь, я расскажу тебе правду?

Он замер, не успев опустить руки.

– Трикстер слышит и видит тебя. Прямо сейчас. Он пришел бы к тебе сам, пожал бы руку и забрал бы наверх. Но он не спускается на этот «этаж». Я расскажу тебе, что он знает о тебе...

Ты фантастически силен. Чертовски вынослив. И дьявольски упорен – до упрямства. И ты умен, хотя не веришь в это. Но ты излишне доверчив, по-детски наивен и чрезмерно зависим. Ты веришь во все, что тебе сказали сто лет назад, и считаешь, что мир таков, как тебе сказали тогда, и что ты сам – до сих пор таков, и что скала может кого-то уничтожить. Ты ждешь команд – разрешений и запретов. Ты не можешь сам позволить себе выйти из этой шахты – на свет и солнце, хотя твоя дверь не заперта! Ты любишь ту собаку, потому что она была образчиком выносливости и – служения. И даже к Трикстеру ты хочешь потому, что знаешь – он будет тебя направлять. Он будет решать за тебя. Что ж... Он играет на нашей стороне, его можно и нужно слушать. Но когда-то ты послушал кого-то, кто играл против нас. Против тебя. Так вот... Все давно изменилось. И теперь я дам тебе новое разрешение. Я предлагаю тебе стать правой рукой Трикстера. *Он* это тебе предлагает. Ему нужна твоя помощь, потому что он не такой выносливый, не такой упорный, не такой дисциплинированный. Ты будешь направлять его в этом. Он будет направлять тебя в свободе и сотворении миров. Вы – идеальная пара! Согласен ли ты сменить работу, Труд?

Он опустил кирку, но еще не бросил ее.

– Посмотри! Сколько мы уже говорим, а скала не выдвинулась. Ни на миллиметр. Возможно, ты с ней закончил? Возможно, даже она говорит, что тебе пора? Идем со мной наверх! Там есть большой холм с большим домом на вершине и с садом. И там живет Трикстер. А с другой стороны холма – огромное озеро. Ты будешь купаться и загорать... А травы там – валяться не переваляться! Жевать не пережевывать!

Что-то вроде улыбки показалось мне его на лице. «Все правильно делаю!» – подумала я и продолжила:

– У тебя отныне новый начальник, Труд. Поздравляю! Вы сработаетесь. И у меня есть еще один сюрприз для тебя. Я тоже любила ту собаку.

Издалека раздался собачий лай. Мы в моей голове. И моя собака в ней тоже. И мне не жалко вернуть ее тому, кто в ней так нуждается и кто столько лет вкалывал, думая, что удерживает мой мир от разрушения. Он заслужил – абсолютно и безоговорочно.

Кирка бухнулась на землю. *И* растворилась. Как те камни, что с таким безостановочным напряжением откалывали ею почти тридцать лет. Она тоже закончила свою работу.

– Давай дадим тебе другое имя, – предложила я Труд. – Как ты хочешь, чтобы тебя теперь называли?

– Текст, – ответил бывший Труд. – Теперь меня зовут Текст.

Он двинулся к выходу. Скинул каску, сбросил робу, и я удивилась его изящной фигуре, светлым джинсам, белым кедам и ослепительно белоснежной футболке. Текст обернулся. И я окончательно онемела. На меня смотрели задорные лучистые молодые глаза. Ярко-ярко голубые. Ясные, как небо в детстве. Я же помню тебя... Это же ты был со мной, когда мне было семь! Ты учил меня писать сказки!.. Я помню, как ты появился, когда я сидела над чистой красивой тетрадкой. Тебе тогда тоже было семь. Ты залез с ногами на стол, подпер щеку кулаком и начал диктовать мне слова. Я помню, как мы смеялись, вспоминая, как пишутся буквы. А ты помнишь, что мы все время писали «э» в другую сторону? А потом на подоконнике появился

еще один мальчик. Черноволосый, темноглазый. Он все время придумывал сюжетные ходы. Хотя таких слов мы еще не знали, но это было оно. Он любил плевать чайнками и много смеялся. И нас заставлял. Я помню нашу первую сказку, Текст... Я помню тебя!

– Ну а ты-то? Идешь? – Текст улыбнулся, и я окончательно в него влюбилась. – А знаешь, ты была кое в чем не очень права... *Я могу решать*. И могу выбирать. Не только слова. Я даже знаю дорогу к Трикстеру. Идем. Он меня действительно ждет.

Мы шагали по дороге из желтого кирпича к большому зеленому холму с большим светлым домом на вершине. Впереди нас подпрыгивал наш любимый пес, вокруг нас менялись леса, поля, луга. По мановению Текста мы то проходили мимо бескрайних долин подсолнухов, то оказывались среди маков, то вдруг вдоль дороги выросал сосновый бор...

– Все, что хочешь, родная! – и Текст бросил собаке неведомо откуда взявшуюся палочку. Они побежали за ней наперегонки. И я не удивилась, когда Текст собаку обогнал.

О да! Ты сильный... Сильный Текст. Выносливый... Бумага все стерпит. Ты упорный до упрямства... Что написано пером. Как же я всего этого до сих пор не понимала? Ты хочешь и *можешь* творить миры. И ты будешь творить их.

Я не сказала тебе... Но когда мы отошли от той норы, в которой ты лупил по скале, я обернулась. Скала действительно вышла наружу. Но это была не скала... За все эти годы бесконечного труда ты создал из камня восхитительную скульптуру. Она гигантская, и мы увидим ее с вершины холма. Трикстер уже ее видит. Кажется, он вообще всегда знал, что она там.

Так что... ты тоже был кое в чем не очень прав: твоя предыдущая работа принесла плоды. И эти плоды изумительны. И я наконец-то это вижу.

– А знаешь, чего я хочу сейчас? – Текст оказался рядом, позволив собаке всецело завладеть палкой. Он щелкнул пальцами, не дожидаясь моего ответа. – Держи, – и протянул мне алый очищенный гранат. – Какие фрукты любит Трикстер?

– Ффсе! – сказала я, уже впившись зубами в сочные зернышки и обливаясь соком.

– Ну а что больше всего?

– Все. Больше всего Трикстер любит все.

– Ну ладно, – усмехнулся Текст. – На полную катушку, значит?... Хорошо. Будет ему все.

Все! Все, к чему ты прикасаешься, в чем проявляешься, – ты все способен изменять. И ты знаешь свою силу, Текст. Ты все способен сделать прекрасным.

VI. Чеканное серебро

*Глава посвящается Николаю Сапсану (RIP) – бизнес-тренеру, который сказал мне, что «ты живешь либо по стратегии, либо по сценарию. Найди и опознай свой финансовый сценарий. И освободись от него». Я нашла. Освободилась ли?
Скоро узнаю.*

– А давайте поговорим о деньгах? – бросаю вопрос в пустую комнату. Жду, когда появится Артур. Или Главред. Трикстера не жду – не его поляна. – Ау? С кем бы мне тут в своей голове поговорить о деньгах? О казне, господи, побеседовать бы!

– Чего орешь-то? – в комнату заходит-таки Трикстер.

– Ты-то тут почему? – озадачена я.

– Потому что твой вопрос не взрослый. Ты тут в своей голове никого не надуешь. Ты же про страхи хочешь поговорить, а не про деньги. Вот я и пришел.

– А за страхи тоже ты отвечаешь?

– За победу над ними. За их обесценивание. Это вообще мое любимое занятие, если что, – гордо вскидывает голову.

– Обесценивание?

– Именно! Спрашивай.

– Почему я так боюсь остаться без денег?

– Ну, приехали! – Трикстер даже руки опустил и присел. – Это что за вопрос-то такой? Тебе как ответ поможет?

Я задумалась... И действительно... Ну расскажет он мне еще раз то, что я уже и так знаю: что дважды пережитый опыт нищеты, когда реально нечем было ребенка кормить, напугал меня до чертиков. И что мне с этого ответа будет? Куда дальше после него двигаться?

– Попробуй еще разок, мать. Если грамотно спросишь, может, и Артур причапает, пару дельных советов даст.

– А Королева может активизироваться? – интересуюсь. Вот ведь у кого должны быть все ответы на все вопросы.

– Не про деньги. Королева твоя – не про казну. Для казны есть управляющие, и у тебя их целых два. Ты же правильно в начале написала.

Ненавижу, когда он ссылается на мои же тексты. Но – таков Трикстер...

– Есть еще один момент, мамуль. Ты в жизни своими деньгами не управляла, сколько бы их ни зарабатывала. Королева твоя, считай, новорожденная. Чего ты ждешь от нее? Ей еще учиться и учиться царствовать-то да казной распоряжаться. Так что она тебе пока про деньги никакого ответа не даст. Давай вопросик свой заново! – и он махнул рукой, как будто вызывал меня на сцену.

– Уф-ф... Почему я вообще боюсь остаться без денег? – выпалила я, особо не надеясь на ответ.

– Ай, молодежечка! Умничка моя, мусичка-малюсечка! – Трикстер схватил меня, как ребенка, за щеки и смачно расцеловал в лоб. – И кто ж тебя, журналисточку нашу, учил вопросы-то задавать?

– Опять не тот?

– Не тот, конечно, – расхохотался Трикстер.

– Так какой вопрос-то должен быть? Если не про деньги, а про страхи?...

– А чо сама думаешь? – встал, облокотился на стол, отключив зад.

– Ты в коучи, что ли, подался? Я тебя спрашиваю, а ты мне мой же вопрос возвращаешь. Предлагаешь самой ответ искать?

– Да когда ж ты поумнеешь-то? – Он ударил себя кулаками по лбу. – Ты и есть я. Я и есть ты. Ты по-любому сама с собой сейчас разговариваешь. Алло! Гараж! – Вздохнул. – Но я тебе таки помогу, убедила... – Он оторвался от стола и, как Артур, сунув руки в карманы, начал расхаживать по комнате. – Хочешь через прошлое идти, давай сходим. Вспомним-ка, например, свое детство...

Я вспоминаю. Мы с родителями прожили в Индии три с половиной года. Я провела там период с шести до девяти с половиной лет. Это было совершенно сказочное время – закрытый советский городок посреди города Ранчи, огороженная территория, все сто человек друг друга знают, двери в квартиры не запираются, круглый год солнце и сумасшедшие цветы, фрукты и всякие сладости, конфеты, жвачки, о которых Советский Союз узнает только через десять лет. Нас катали на слонах, я каждый день завтракала бананами и манго, у нас был круглосуточный бассейн с двумя вышками для прыжков, детская площадка размером с половину футбольного поля, а в каждом из трех начальных классов было по три человека. Хотя нет, третьеклассница, кажется, вообще была в единственном экземпляре...

Мы слушали запрещенные в СССР пластинки, читали (рассматривали) Тин-Тина, и у меня был набор фломастеров 64-х цветов. К девяти годам я знала, что такое кондиционер и муссоны, слышала, как шипит кобра, видела гигантских летающих тараканов и как их на лету ловят ибисы, ела личи каждую неделю, любила группу ABBA и Челентано, отличала Рея Чарльза от Луи Армстронга... Но не знала, что такое деньги. Мне не давали ни рупки на завтраки или обеды в школе, потому что кормили нас бесплатно, а школа была в четырех минутах ходьбы от дома. Правда, я знала слово «рупки» – так взрослые называли рупии – индийскую валюту. Но зачем они нужны, я не очень понимала. Сладости нам тоже привозили, платили за них взрослые, и мы, дети, – просто брали сколько душе угодно.

– Ты осознаешь, что это детство реальной принцессы? Настоящей принцессы, – уточняет Трикстер, внимательно меня разглядывая. – Нет забот, огороженный замок, куда нет хода чужакам, все всех знают, у всех есть четкие роли: этот – врач, тот – повар, это индус-уборщик – по-русски знает только «здрластвути». Все получаешь готовое, ни в чем не нуждаешься. Пара гувернанток, которые закрывают все потребности в начальном образовании. Принцесса, да?

– Да-а... – я расплываюсь в улыбке.

– Хорошо было?

– Да-а...

– А потом? – и глаза его темнеют. Вокруг меня темнеет тоже.

– А потом мы вернулись в Екатеринбург. Тогда он был еще Свердловском.

И все, что дети постигают за четыре-пять лет осознанного детства, мне пришлось постигать за три месяца первого осознанного советского лета. Разумеется, я не справилась. Родители не могли помочь, да и не до меня им было. Гигантские пространства, людей столько, сколько я в жизни не видела! Я пыталась здороваться со всеми на улице – у нас же в Индии так было принято! Меня так научили... Кто-то надо мной смеялся, кто-то удивлялся. Я не знала, что такое гаражи и для чего они нужны, почему вокруг так много домов и ни один не огорожен – это же значит, что в любой дом может войти любой человек! А где же вооруженная охрана, как у нас в Индии было? И неужели во всех этих домах действительно живут люди? Откуда столько людей вообще?

Когда я увидела школу, у меня вообще ноги подкосились. Какие три класса? Какие три кабинета? Только в моем новом классе было 32 человека! У нас в Индии столько детей во всем городке не найти! Как, то есть, до школы ехать двадцать минут? На чем ехать? На *трамвае*? А это что такое?

Почему тут вообще так холодно? +28! У нас в Индии летом было +55! И здесь, в разгар уральского лета, я надевала колготки, шерстяную кофту и – мерзла... Нормальные уральские люди, изнывающие от жары в сарафанах и шлепках, смотрели на меня как на идиотку. Никто из них не думал об акклиматизации. Это я знала такое слово (нас врачи перед отлетом инструктировали). Ходила и всем рассказывала, что со мной «не так».

Но в конце концов я поверила, что со мной что-то «не так», потому что мне все об этом говорили. Я выглядела глупой, когда, разинув рот, разглядывала трамваи и троллейбусы. Могла часами изучать стеклянные молочные бутылки (*у нас* в Индии уже были тетрапаки для всех жидких продуктов). Удивлялась, что тут никто не знает, что такое Spearmint, Juicy Fruit, Chupa Chups, Fanta. Когда я рассказывала, как мы жили, другие дети называли меня «хвастушей» и «врушей». Никто не верил, что я каталась на слоне...

Ах да... при чем тут деньги? Вы думаете, они тогда появились в моей жизни? Конечно нет. Мама ходила в магазины сама, потому что я боялась и упиралась до истерик, и продукты продолжали появляться на столе «из ниоткуда». Я не могла сосчитать сдачу, путалась в рублях и копейках. Из-за сходства в звучании «рубля» и «рупки» считала, что рубль – мельче копейки! Копейка – такое красивое слово! А что такое «рубль»? Фу... Понятно, что ребенок с таким «пониманием» денег на слух обречен быть обсчитанным в любом советском магазине. В общем, да. В магазины я не ходила. Лет до двенадцати... И радовалась, что меня не заставляют считать сдачу... И вот радовалась-то я – зря...

– Итак, два этапа детства – мимо денег.

Трикстер чешет в затылке. Можно подумать, он был чем-то удивлен. Сам же меня повел.

– Хорошо. Что дальше?

А дальше – статусный отец, работавший на крупнейшем в стране машиностроительном предприятии «Уралмаш»! Начальник экспортно-импортного отдела. Минимум шесть загранкомандировок в год! Зарплата – ого-го! Мы ездим на новенькой «Волге» цвета слоновой кости, я – в джинсах и белых кроссовках «Адидас» – в 1985 году! В Свердловске! На мои ноги пялились все. Родители не отпускали меня в импортных шмотках одну, потому что боялись – разденут!

Деньги? Какие деньги? Папа! Ну да, покупать себе булочки в школьной столовой и платить за проезд в уже привычном трамвае я к четырнадцати годам таки научилась. Но все остальное было по-прежнему: «папа может», «папа достанет», «папа привезет из Италии/Японии/Испании/Кореи и т. д.». И так до 1994 года. До моего восемнадцатилетия. К тому моменту, правда, я освоила еще один «финансовый навык» – покупку пива и сигарет... Откуда у меня были деньги? *Я не помню!* Видимо, давали родители...

– Третий период – выход из детства. Как отношения с деньгами? – Трикстер уже не расхаживает, не посмеивается.

– Походу, по полям...

– По полям. Ну хоть поняла, что рубль больше копейки, – уже прогресс! – вскидывает руку и тычет пальцем в потолок.

– Издеваешься?

Но я на него на самом деле не обижаюсь. Я впервые погрузилась в свою историю с точки зрения отношений с финансами. Никогда раньше мое детство не подвергалось подобному анализу... Это чей голос во мне?

– Это Королева разбирается, – прозвучал с кресла тихий уверенный баритон.

Классический костюм, строгий галстук, начищенные ботинки. Артур, как всегда, внимательный и спокойный. Ничто не способно лишить его равновесия и готовности принимать решения. А тех, кто мог слуть его со сцены, мы – слава всем древним богам – кажется, действительно обеззвучили.

– Какие ощущения от этого погружения? Какие эмоции?

– А ты знаешь... Я спокойна...

– Она прям молодец, реально! – Трикстер усиленно кивает. – Я вообще почти не вмешиваюсь! Сама идет! Даже вести не надо.

– Королева осваивается, – удовлетворенно констатирует Артур. – На каком вы возрасте?

– Подошли к девятнадцати. Когда она в Москву рванула.

– О... Продолжайте... Весьма знаменательный и показательный период. Мы с ним сейчас обстоятельно поработаем.

Куда меня вообще несет? Какой смысл в детальном разборе? Я и так знаю, что не умею обращаться с деньгами! Зачем они меня ведут через весь этот лес? К чему это нагромождение фактов?

– Это что началось-то? Нормально ж общались... – Трикстер в недоумении сверкает глазами.

– Чего испугалась? – все так же бесстрастно изучает меня Артур.

– Да глупости своей... Я же помню, что было дальше. стыдно мне. И тогда было стыдно, но я сбежала от стыда, а сейчас...

– Не было тебе стыдно, – Артур едва поводит бровью. И ничего дальше не говорит. Смотрит и молчит. А я жду, когда он продолжит, сделает какой-нибудь вывод, выскажет какой-нибудь упрек. И тут до меня доходит: он *не* продолжит. Он не Критик! Это не его работа – меня критиковать и упрекать. Он констатирует факты. Мне не было стыдно. Возможно, так и есть.

– Продолжим? – вкрадчиво интересуется Трикстер. – Самое интересное ж начинается.

– Она не понимает, к чему мы ее ведем.

Артур вдруг встает и начинает вышагивать. Трикстер запрыгивает в освободившееся кресло. Я уже понимаю эту рокировку: они передают друг другу инициативу через это кресло.

– Я вот что тебе сейчас предложу... – Артур усиленно растирает идеально выбритый подбородок. – Ты сейчас это все выгрузишь, и мы найдем корень. А потом перепроживем всю твою накопленную ерунду. Годится такой мотив?

– Вполне...

Ни фига он мне не годится. Я до сих пор не могу понять, куда меня тащат, в какие такие дебри моих старых нейронных связей. Но я доверяю своим внутренним мужикам... Они, похоже, знают, что делают. И я иду.

И ужасно тяжело идется! Я пишу эту главу уже целый день! Хотя все предыдущие выходили из меня за час-полтора!

– Сопровождаешься патамушто! – хохочет Трикстер из кресла, высверливая во мне дырку своими хризолитами. – А ты не сопротивляйся. Иди давай. Заколебала спотыкаться. Королеву верни и иди дальше.

Итак, мне девятнадцать. Я – непростая уральская девчонка, подбиваю подружек рвануть в Москву. Просто идем на вокзал и покупаем билеты, по-моему, на первый проходящий. Плацкарт, разумеется. Откуда деньги на билеты? *Не помню!* Думаю, все-таки у родителей брала...

– Стоп, – Артур поднимает указательный палец, – куда делся пединститут?

Семен Семеныч! Как удобно было забыть. Ведь там была профукана моя первая зарплата! Папа меня туда «поступал», на иняз. Так сказать, по своим переводческим стопам. Когда я с треском не поступила, он устроил меня туда же на работу – машинисткой на кафедру каких-то языков. Там я повыстукивала по клавишам методички месяцок и свалила. Ни трудовую не забрала, ни зарплату. Вроде я выше всего этого вашего бренного, низменного, бездуховного и антитворческого! Отцу звонили раз двести – упрасивали: я должна получить деньги и забрать трудовую. Нет! Алина уже тусовалась на журфаке. С журфаковками потом в первопрестольную и свалила.

– Красотка, чо.

– Не мешай ей. Что дальше было?

Не нужно же уже расшифровывать, где чья реплика, да?

И вот я – в Москве! На что живу? Взрослые любовники и мамы переводы по двести долларов ежемесячно. Судьба заносит меня в писательскую тусовку. Российские фантасты и литкритики. И тут я признаюсь этой братии, что с детства пишу стихи и рассказы. «Ну-ка, дай-ка почитать-ка», – говорит мне Андрей Щербак-Жуков. После этого я чуть было не поступаю во ВГИК. Но не поступаю. Зато попадаю через его знакомых в редакцию одного из первых в стране глянцевого журналов «Дилижанс» и делаю для них интервью с музыкантами. Интервью публикуют. «Алина, приходи за гонораром!» Что-то около ста долларов, кажется, было. Ага, в долларах платили. Что сделала Алина? Она забыла! Я так и не пришла за деньгами! Опять! И первый свой гонорар не получила, так же как и первую зарплату в «пед». Хотя через Андрея мне несколько раз передавали настойчивое предложение забрать свои деньги!

– Ну как так можно?!

Слышу нарастающий писк. Скручиваю внутреннюю мать обратно на ноль, но возмущение не утихает. Вот за это мне и было стыдно...

– Или ты думала, что стыдно?

– Нет, Трикстер... Перед собой мне за это до сих пор стыдно. Причем я же совсем забыла про иняз... Теперь мне дважды стыдно.

– Хватит, – Артур хлопает в ладоши. – Давай третий эпизод, и будем перезагружаться. НТВ. Девяносто пятый год. Или девяносто четвертый... Вспоминай.

Кошмар какой-то... Еще и это! Все та же Москва, все тогда же. Решила я найти работу. Я же журфаковка, значит, можно попробовать что-то еще в СМИ. Уже не помню, через каких знакомых меня выводят на продюсера какой-то программы на суперканале НТВ. Мы встречаемся у метро «Полянка» (не спрашивайте, почему я метро помню, а программу нет). Диалог вышел примерно такой:

– У тебя есть опыт на ТВ?

– Нет.

– Что ты умеешь делать?

– Не знаю.

– Ну, хорошо... Ты приходи, какое-то время с кассетами побегаешь – от монтажки до эфирки, а там решим.

Я?! С кассетами побегаю? Через много-много лет я сама брала таких стажеров. Их называли «подаваны». Когда телевизионное производство перешло в цифру и вместо кассет из монтажек в эфирки летали файлы по сети, «подаваны» превратились в расшифровщиков... Но не суть. Тогда, в мои гордые девятнадцать, с моим-то фантастическим карьерным ростом от машинистки в пединституте до интервьюера в глянце, разве я могла так низко пасть? Бегать с кассетами?! Да ну что вы!.. Алина с высоко задраным подбородком отказалась от этого «унизительного предложения».

Ду-у-у-р-а-а-а! Какая же ты ду-у-у-р-а-а-а!!! Это был цвет и расцвет всего российского телевидения! Ты могла бы работать с Митковой, Шендеровичем, Евгением Киселевым, Леонидом Парфеновым! Тебе предложили работу даже после того, как ты гениально ответила «Не знаю» на вопрос о том, что умеешь делать! Убейся апстену прямо сейчас!

– И снова стоп... – Артур опять уступил кресло Трикстеру. – Это кто сейчас кричит?

– Мать? Критик? – чувствую я себя глупой маленькой девочкой.

– О нет... Здравствуй, малышка, – Артур выглядит неестественно большим.

Как я оказалась под столом?! Ко мне заглядывает Трикстер:

– Вот, значит, кто захватил власть над казной? Ничего ж себе поворот... Я думал, я всех детей тут знаю.

– Она не просто захватила... – Артур вздергивает брючины и садится передо мной на корточки. – Она еще и забыла, куда перепрятала.

Где-то внутри себя я остаюсь нынешней. Пытаюсь понять, почему не Я разговариваю с этим ребенком, на которого сейчас смотрят мои мужики. Почему я сама этот ребенок? Такое уже было однажды, когда мы разбирались с одной моей фобией. И тогда Артур объяснил мне, что эта часть личности не выросла, не прожила и осталась настолько глубоко, насколько ей показалось это безопасным. Видимо, с этой «казнокрадкой» – та же история...

– Сколько тебе лет? – улыбается мне Трикстер.

– Пять! – почему-то почти злобно и обиженно выкрикиваю я ему в лицо.

– Серьезно, – понимающе посмеивается Артур.

– А ты не смейся! Мне целых пять!

– Слушай, вредная какая. Я реально ее не узнаю... – Трикстер теперь выглядит озадаченным. – Мои дети все любят со мной поржать.

– С тобой, но не над собой, – тихо комментирует Артур. – Как тебя зовут?

– Свинья! – выпаливаю я.

– Как?! – мужики переглядываются.

– Мама называет меня Свинья! – продолжаю я выкрикивать со злобой.

И тут пол поплыл под ногами, и стены поехали... было такое... Было! Но мне было лет девять. Мать пылесосила, а я сидела на кровати и играла рупками, привезенными из Индии. Разглядывала их, звенела ими, красивые они такие мне казались. Мать что-то рассказывала, и я вдруг комментирую:

– Мама, какая же ты дура.

– Ах, ты свинья! – И со всего маху влепила мне оплеуху.

Монетки вылетают у меня из рук, рассыпаются по кровати и даже на пол.

– Ты как с матерью разговариваешь?! Маленькая ты дрянь! – мать раздраженно собирает деньги с пола и швыряет в меня. – Сложила все обратно в чехол, немедленно! И чтобы больше в руки не брала! – И повторяет: – Свинья...

Я не помню, что было дальше. Наверняка я сложила монетки. Они хранились в чехле от очков. Я почему-то это помню. Темно-зеленый такой, пластмассовый, открывался и закрывался на пружинках. А внутри была мягкая тряпочка, в которой эти денежки и жили.

Смешно, но монеты до сих пор сохранились у нас. С 1985 года. Я даже знаю, в какую коробку они переехали... И я уже неоднократно брала их в руки и разглядывала... А «материнский наказ» выполнила, похоже, по-своему... Я не боюсь остаться без денег, прав был Трикстер. Я боюсь брать их в руки. Потому что стану тогда свиней и все равно все рассыплю...

Снова сижу на стуле и смотрю под письменный стол, где сидит «маленькая я». Ее в момент внезапной материнской пощечины швырнуло из девяти лет обратно в пять. Ей было больно и обидно. Нет. Ей было жутко больно. И страшно обидно! И именно тогда она впервые испытала большое-пребольшое чувство. Чувство ненависти. К матери.

Трикстер серьезен, Артур задумчив, я реву. Мне меня невыразимо жалко! Маленькая Алинка упорно сидит под столом и грызет что-то. Артур многозначительно кивает в сторону моих сигарет: мол, вот оно откуда растет. Потом будем с сигаретами разбираться. Сейчас нужно освободить моего внутреннего ребенка. Никто внутри меня не должен называть себя свиней. Сажусь на пол, поддвигаюсь к себе:

– Маленькая, посмотри на меня...

Она резко оборачивается, в ее взгляде – почти ярость, и меня бросает в дрожь. Я вижу злые слезы, которые она какими-то недетскими усилиями пытается сдержать. Она не заплачет, она так решила. Чтобы не показывать матери, как ей сейчас обидно и больно. «У тебя нет надо мной власти!» Вот что она пытается доказать. Она не заплачет. Не заплачет! Назло! Назло! Ей назло! Всем назло! Не буду плакать! Не заставите! И пусть я свинья! Свины – не плачут!

Тихо! Я хочу закричать в свою голову: тихо! Душат рыдания. Я не просто знаю, что она чувствует. Я все это чувствую вместе с ней! До сих пор. С 1985 года. Даже чувствую, как больно монеты ударили в лицо. Что мне с этим делать? Что делать с ней?!

«Стань себе идеальной матерью, – звучит голос Саши Гранковой в моей голове. – Стань себе той матерью, о которой ты мечтала». Я все не понимала – как это. И вот он – идеальный момент. Я выбираю сделать этого ребенка счастливым. Я – сделаю себя счастливой девочкой. Прямо сейчас. Идеальный момент всегда – сейчас.

Мужики вдруг встают во весь рост, вытягиваются по стойке смирно. А я уже узнаю эти бордовые рукава и кружевные манжеты. Платье ложится мягкими складками перед девочкой. Она смотрит с удивлением.

– Здесь никто тебя не будет ругать, маленькая, – говорю я ей. – Ты хочешь поплакать? – так странно звучит мой голос, такой взрослый... Девочка поднимает на меня большие, но уже сухие глаза и мотает головой. – Тебе нравится платье?

Она снова кивает, разглядывая меня с наивным детским восхищением! Я поднимаюсь и отхожу от стола.

– Выходи, маленькая. Давай сделаем тебе такое же.

– Гениально! – шепчет Трикстер, не меняя позы.

Маленькая я, немного подумав, вылезает из-под стола. Я делаю ей наряд принцессы из такой же ткани, как мое королевское платье. Она крутится, разглядывая себя. Переношу нас в ту квартиру, где все произошло. В узком коридоре с отвратительными желтыми стенами – трюмо. Поворачиваю боковые створки, беру маленькую себя на руки, встаю с ней перед зеркалом.

– Ты никогда не была свиньей, дорогая моя малышка. Никогда.

– Но мама так сказала... – она даже не возражает, а как будто размышляет.

– Мама ошибаются, – говорю я ей. – И нам не обязательно верить в то, что они говорят. Особенно если нам это не нравится. Ты – не свинья. Ты прекрасная маленькая девочка, которую ждет сказочное будущее. Давай верить в сказочное будущее?

– Давай, – она уже почти улыбается.

– Чего ты хочешь сейчас?

– Рупки... – произносит она несмело.

– Ты помнишь, где они лежат?

– В серванте. На второй полочке. Слева.

Я помню! Сколько лет прошло! А я помню!

– Но там злая мама, – шепчет маленькая мне на ухо.

– Там ее нет, – улыбаюсь я ей. – А даже если бы и была, посмотри, какие у нас защитники! И ты, дорогая, на руках у королевы. Никакая злая мама не посмеет сказать нам ни слова. Идем?

– Идем, – неуверенно кивает маленькая я.

Мы идем в комнату. Надо же. Родительская тахта (если кто-то из моих читателей еще помнит это слово), книжный шкаф, ножная машинка Zinger у окна, зеленый палас, оранжево-красные полосатые шторы, Хемингуэй на стене. Квадратный светильник с силуэтами лошадиных голов над письменным столом и чудовищные розочки на обоях. Все помню. Идем к серванту, вот он, чехол от очков. Отдвигаю тугую стеклянную дверцу, беру чехол и торжественно вручаю маленькой себе.

– Бери, дорогая. И сейчас мы с Артуром расскажем тебе, что это такое, как это считать и как использовать. Это называется деньги. Возьми деньги в руки.

И маленькая я берет. Она счастлива, как будто ей Барби подарили. И мы все вместе садимся на ту самую кровать, бережно открываем чехол и высыпаем монетки.

– Смотри, вот это одна рупия, она большая. Она состоит из ста пайс. А само слово «рупия» на языке санскрит означает «чеканное серебро». Это деньги, их обменивают на вещи.

Если ты хочешь чупа-чупс, ты идешь в магазин, отдаешь сколько нужно денег, а взамен получаешь конфету.

Да-да, не удивляйтесь. В 1980-х годах в Индии чупа-чупс для нас был едва ли не единственной конфетой, которую знали советские дети.

– А хочешь что-нибудь сказать злой маме? – вдруг спрашивает Трикстер.

– Она сама была свинья. Злая свинья, – маленькая я не отрывается от денег.

– А ей сказать не хочешь? – продолжает проверять Трикстер.

– Потом исе скажу. А это скока рупок? – она протягивает Артуру несколько монеток. Слава богу, деньги стали ей интереснее, чем «разборки» с матерью.

Так мы просидели долго, разглядывая и протирая мягкой тряпочкой каждую монетку. И никаких злых мам. Трикстер отдыхал в кресле моего отца, Артур помогал раскладывать деньги по номиналу и учил маленькую меня основам арифметики.

Наконец она устала. Улеглась, счастливая, прямо на монетках, обняла подушку и опять заулыбалась. Пусть отсыпается. Главное, что больше ей не хочется плакать, она теперь знает, что такое деньги, и даже немножко научилась их считать.

– Так как тебя зовут? – тихо спрашивает Артур, укрывая девочку мягким японским одеялом.

– Алинка, – так же тихо шепчет она в ответ.

– Слава богам! – шепотом восклицает Трикстер с отцовского кресла.

– Ты больше никогда не бойся брать деньги в руки. Даже если кто-то захочет тебе запретить. Я. Тебе. Разрешаю, – прошептала я ей на ушко прежде, чем она окончательно и крепко заснула.

VII. Я все равно буду!

– Ну ты даешь, мамуль. Ваше величество. Вот, значит, откуда твое упрямство-то нечеловеческое.

– Вполне логично, – Артур с интересом разглядывает советские интерьеры моего детства. Он здесь не был. – Она же выкрикивала: «Назло». Не благодаря, а вопреки. Очень логично.

– Мы назло всем врачам будем срать по ночам? Это, Артур, не логично, – парирует Трикстер.

– Она так далеко заглядывать еще не умела.

– Я стану менее упрямой? – на мне снова моя домашняя одежда.

– Нет, – Артур мотнул головой. – Но ты научишься управлять своим упрямством и превратишь его в упорство. Это всегда в тебе было. Видимо, действительно вот отсюда и выросло.

– В чем разница между упрямством и упорством? – смотрю я на маленькую спящую меня.

– Упрямец действует себе во вред. Упорный – себе во благо. Ты тогда, – он тоже задержался взглядом на маленькой спящей мне, – ты тогда сделала несколько выборов, но не умела еще видеть последствия каждого из них. Ты выбрала быть сильной, но решила, что это значит «терпеть» и не показывать своих чувств. Ты выбрала молчать, чтобы «не получать по морде», но не поняла, что не обязательно так действовать в жизни всегда и со всеми. Ты выбрала не признавать власть матери над тобой, потому что именно тогда увидела, что она недостойна иметь над тобой эту власть. Но ты не поняла, что свобода твоя от нее – в частности в деньгах. И в мышлении. То есть для освобождения как раз не нужно выполнять ее команды и приказы. Ты просто была слишком маленькой, чтобы опознать приказ, который она тебе тогда дала вместе с оплеухой. Трикстер, уже в тебе живущий, показал, как можно сопротивляться. А меня еще не было, чтобы показать, где этого делать не надо. Все логично. И теперь все решаемо.

– Когда она проснется? – опять смотрю на счастливо сопящую себя.

– Без понятия. И не имею представления, что мы увидим.

– Я имею представление, друзья мои, – Трикстер поигрывает бровями. И молчит, засра-
нец.

– Ну, поделишься, может быть?! Или мне опять в королевском обличии пред тобой пред-
стать? – пора мне учиться и им управлять.

– Ты, давай, дорогой друг, сам-то не заигрывайся, – поддержал меня Артур. – А то ведь у меня тоже есть королевский меч.

– Я понял вас, понял! Накинулись. Эта лялька, что спит сейчас на кучке денег, так или иначе – мой выпестыш. То, что я не помнил это конкретное событие, тоже логично, между прочим. Мы тогда так напряглись, что поднадорвались. Оба. Я зарядил ее и ушел отсыпаться на какое-то время. Но я помню, когда проснулся. И она проснется в той же точке, которую помню я.

– Это что за точка такая? – я жду откровения. И не ошибаюсь. Трикстер произносит магическую фразу из другого моего детства:

– А я все равно буду!

Со свистом проносится несколько лет. Даже голова кружится. Мы все втроем – на кухне той же квартиры, год 1987-й. Лето, жара. Опять эти уродливые желтые стены, выкрашенные масляной краской. А в детстве я не замечала этого уродства. Маленький красный угловой диванчик, стол, накрытый клеенкой. У стены напротив – огромный старинный буфет – резной, деревянный, почти под потолок, с таким же резным карнизом, со стеклянными гранеными высокими дверцами. Он втиснут между убогой раковиной и холодильником «Юрюзань». Заглядываю в буфет. Там чайные сервизы – один темно-темно-синий, с золотыми узорами, другой белый, с сиренью. Я даже не догадывалась, что помню эту квартиру в деталях. Когда мы

переедем в 1988 году, буфет останется тут – он оказался таким тяжелым, что бригада грузчиков не смогла его даже с места сдвинуть. Мне было его так жалко. Но пока до переезда еще далеко.

– А я все равно буду... – слышу я от двери. Мне лет одиннадцать. В глазах – слезы. Прижимаю к груди альбом для рисования. За столом сидит папа, недовольный моим рисунком.

Что я тогда нарисовала? Плафон. Срисовала ту самую квадратную лампу с лошадиными головами. «Дурацкий какой-то рисунок, – сказал тогда папа. – Не могла что-нибудь поинтереснее нарисовать?» И добавил: «Или уж вообще ничего не рисуй, если фантазии не хватает».

– А я все равно буду!

Бесконечная решимость в этой маленькой мне. Какая-то дьявольская и одновременно – божественная уверенность в собственной правоте. Я все равно буду.

Я буду писать, как чувствую. Буду говорить, как думаю. Буду рисовать так, как мне нравится. Буду рисовать то, что мне нравится. Я буду. Я все равно буду! Даже когда все вокруг говорят, что у меня не получается, что это не мое и что ничего никогда не получится. Я все равно буду!

Трикстер смотрит на нее с нескрываемой гордостью. Его творение!

Но ей снова хочется плакать: слова отца ее обидели, он не оценил, нагрубил, не поддержал. Неужели мне в детстве так часто было обидно? Так часто хотелось плакать? Или это просто эпизоды, которые слишком глубоко отпечатались и не впустили в мою голову другие, более светлые воспоминания?

Она уже не раз слышит от родителей, что «опять все сделала не так». Но поджимает губы и снова, как тогда с монетами, выбирает злиться, а не плакать. Я все равно буду! «Какой уродливый домик ты слепила! Ха-ха-ха!» «Какую страшную девочку ты нарисовала! Фу-у-у!» «Ни одного слова без ошибки не написала! Что ж за дура такая!» «Какое дурацкое стихотворение ты сочинила».

А я все равно буду. И мне нравится домик! И нравится девочка! И мне все равно на ошибки в словах, их и так можно прочесть! И стихотворение мое – не дурацкое! Это вы все дурацкие, раз вам не нравится!

– А ведь это тоже я тебя учил! – Трикстер не сводит глаз со своей ученицы. – Это вы все дурацкие, раз вам не нравится. Нормально же придумал.

– Нормально, нормально, – вмешивается Артур. – Сложность была в том, что меня тогда еще не было. Я бы научил, как нужно думать дальше.

– Ну так вот она! Я для того вас сюда и притащил. Учи! – Трикстер подкидывает клубочек.

Было удивительно, что именно через вопрос о деньгах мы открыли этот ящик Пандоры. А внутри оказались Авгиевы конюшни. И неизвестно, сколько еще внутренних ребенков вылезает из меня со своими внутренними непрожитыми обидами, неотгореванными потерями, со своей заглушенной злостью и нереализованной местью. Я помню, как долго Трикстер чистил яблоко и как много клубочков осталось потом на диване.

– Ну дык, мамуль, ты без пяти лет полвека по говну чапала, много где увязла. Ничо! Разберемся, не сдаемся!

Неунывающий. Никогда не сдающийся мой внутренний Трикстер. Его давно нельзя обидеть, его можно только рассмешить. И когда он не заперт в подвале, я непобедима.

– Ты погоди воевать-то. Опять она за топор готова хвататься. С Брюнгильдой мы еще пообщаемся. Но сейчас – добро пожаловать за стол переговоров. Вот он – концентрат твоей вечной и часто беспричинной обиды, – Артур присаживается на диванчик, разглядывая девочку с альбомом. – И если мы сейчас ее не подлечим, то Брюнгильда продолжит разносить тебя и твою реальность, вместо того чтобы решать со мной твои вопросы. Нет ничего хуже обиженного и озлобленного внутреннего воина, которым управляет ребенок, а не взрослый.

– Берсерк получается, да, мамуль. У твоей-то вообще кукушку снесло. Крошит в капусту собственное войско. Давайте, друзья, чиниться уже быстрее. Реальность как бы подпирает там снаружи. Чо сидим? Кого ждем?

Я слишком долго хоронила свои болезненные воспоминания. Наивно убегала от них, пытаясь отрицать. Ну что ж, теперь я в своей голове не одна (как бы это ни звучало) и у меня есть возможность нормально и здраво посмотреть на все набранные обиды детства, не скатившись при этом ни в жертвенность (ах, я бедненькая!), ни в агрессию (вот же вы, сволочи, как меня покалечили!).

У меня есть два потрясающих внутренних помощника: гениальный хулиган (он же хулиганский гений) и голос разума. Первый не дает мне унывать и позволяет проявляться и воплощаться (в частности в этом тексте). Второй – умеет смотреть на вещи без эмоций и везде, где раньше я видела проблемы, видит вопросы, которые просто нужно решать. Ну и теперь я – своя собственная королева, которая обладает силой и внутренней властью над самой собой. У меня все получится.

– А давай и правда я с ней поговорю, – Артур щелкает пальцами.

Я почему-то вспомнила, что уже тогда, в одиннадцать, осознаю, что красивая. А эта моя удивительная решимость «все равно быть» – несмотря ни на что – делает меня старше. Кстати, хорошо помню, что до восемнадцати мне все давали на три-пять лет больше, а после двадцати стали резко давать на три-четыре года меньше. То есть мне как минимум восемь лет подряд было примерно восемнадцать. А сейчас, в сорок пять, я нередко слышу, что мне максимум тридцать шесть! Отличная растяжка для возраста, я считаю.

И вот моя в очередной раз обиженная я, насупившись, смотрит на Артура. Она опять впадает в свои пять, куда ее отшвырнуло материнской оплеухой. Одиннадцатилетние девочки себя так не ведут.

– А ты помнишь, что тогда на несколько лет действительно перестала рисовать? – уточняет Трикстер.

– Вот ты мне и напомнил...

– Покажи мне рисунок, – протягивает Артур руку к альбому. – Возможно, твой папа просто чего-то не понял? Может, я как раз похвалю?

Я мешкает, но протягивает Артуру альбом. Да-да, дурацкая лампа.

– О-па! Это кто сейчас? – Трикстер подпрыгивает. – Это кого ты сейчас решила подкормить? Кто сказал, что лампа дурацкая? Это они все дурацкие, если им не нравится. Не забываем!

– Прекрасная лампа, милая, – Артур разглядывает смешной и плоский рисунок. – Ты любила лошадей, да?

– Да, – неуверенно отвечает я.

– Ты хотела нарисовать не лампу. Ты хотела нарисовать лошадей, – Артур покачивает альбомом в руке. – А срисовать больше было неоткуда, да?

– Да, – я с готовностью кивает головой.

– У тебя действительно не все получилось, но это не страшно. Это твои первые лошадки. Хочешь, я открою тебе секрет, как сделать, чтобы у тебя начали получаться красивые лошади?

– Да!

– Нарисуй сто лошадок. И сто первая получится красивой.

– Но это же долго!

– Долго. Возможно, несколько лет. Зато точно получится. И еще: за это время ты поймешь, хочешь ли действительно рисовать лошадок. Или, возможно, тебе больше понравится рисовать цветы. Или мебель. Или собак. Ты точно поймешь.

– А разве сейчас не понимаю?

– Нет, – улыбнулся Артур. – Сейчас ты просто хочешь, чтобы все получалось быстро и чтобы тебя похвалили. Еще один секрет открою. Даже несколько. Хочешь?

– Давай, – я подходит ближе, начинает теревить альбом, который Артур положил на стол.

– Знаешь, почему тебе хочется все делать быстро?

– Нет.

– Потому что родители требуют быстрее одеваться, быстрее есть, быстрее выходить: чтобы не опоздать в садик, в школу, на поезд, еще куда-то. И ты теперь думаешь, что торопиться нужно всегда и везде. Но это не так.

– А как?

– По-разному. Каждый раз по-своему.

– И как же я пойму, нужно торопиться или нет?

– Например, именно через этот вопрос, – Артур берет мою я за руку. – Нужно ли тебе здесь торопиться? Именно в этом? Именно сейчас? Зачем? Если есть зачем, торопись. Если незачем, не спеши. Давай попробуем. Зачем ты спешила нарисовать эту лампу? Этих лошадок?

– Хотела папе показать...

– А зачем?

– Чтобы он похвалил.

– А разве он не похвалил бы тебя завтра? Или послезавтра?

– Не знаю, – я серьезно задумалась.

– Смотри, какая умничка, – шепчет мне на ухо Трикстер, по-прежнему поигрывая клубочком. – Реально ищет ответы.

– Я всегда любила думать, да.

– Да-а-а... А сейчас Артурчик тебе покажет, *как* думать, и ваще агонь будет.

– Я подскажу, – Артур взял и вторую руку моей я. – Потому что ты считаешь, что хвалят именно за скорость. Так?

– Та-ак, – я удивленно хлопает глазами.

– Поэтому – не важно, как ты *нарисуешь*, важно, насколько *быстро*. Так ты считаешь?

– Так...

– А теперь смотри дальше. Ты любишь рисовать, я знаю. Ты росла на прекрасных книгах-альбомах «Лучшие музеи мира» и «Величайшие художники мира». Такие книги с таким качеством печати в этой стране появятся лет через пятнадцать. А ты впитываешь искусство с шести. И ты молодец. Но ты видела только результат работы. И поскольку еще не знаешь английского, не могла прочитать текст. Хочешь узнать, что там было написано?

– Хочу!

– Твою любимую «Мадонну Литту» да Винчи рисовал год. Ему помогали десять учеников. На «Джоконду» у него уходит почти два года. «Рождение Венеры» Боттичелли пишет за четыре года. А «Данаю» Рембрандт создавал почти девять лет! Великие художники никогда не спешили. Знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что им не важно было, похвалят их или нет. А если похвалят, то не важно – когда. Они добивались от своих рук того, что видели в своей голове. Ты видишь в своей голове, каких лошадей хочешь нарисовать?

– ...Нет, – я мотает головой. – И что это значит?

– Возможно, ты просто не хочешь годами рисовать лошадей?

– Ой, нет! Точно не хочу.

– Вот видишь, – Артур с трудом сдерживает улыбку.

Он-то, понятное дело, уже давно знает, что я не хочу годами рисовать лошадей. А меня радует, что я сейчас, в одиннадцать лет, так быстро это поняла.

– Тогда тем более важно ли, похвалит тебя папа или нет?

- Не важно... Мне кажется.
- Тебе не кажется. Это не важно. Важно только одно, запомни, только одно: устраивает ли результат тебя саму. Понимаешь? Тебе нравятся нарисованные тобой лошадки? При том, что ты рисовала их впервые в жизни?
- Нравятся.
- Вот и отлично! Тогда какая разница, что скажет папа?
- Никакой? – радостное освобождение звучит в моем детском голоске.
- Никакой. А вот еще скажи мне, стихи твои тебе нравятся?
- Не очень...
- А почему?
- Они какие-то... в них слов мало...
- Хм, – Артур склоняет голову. – А тебе хочется больше слов?
- Да. И разных. И красивых. А то у меня одни и те же, и все не очень красивые, – моя я недовольно морщит нос.
- И поэтому ты бросила их писать?
- Угу...
- Опять секрет открою тебе. Через три года ты снова начнешь. И слов будет больше. Потому что еще ты начнешь читать очень разные книги, много разных книг. Из них узнаешь очень много разных красивых слов. А как ты думаешь, что тебе нужно сделать, чтобы получить хорошее стихотворение?
- Написать сто плохих? Как с лошадками? – я радуется своему открытию.
- Молодец. Именно так. Между стихами и лошадками в этом случае разницы нет. А ты готова написать сто плохих стихов?
- Кажется, да...
- И снова не кажется, – Артур внимательно изучает мое детское лицо. – Ты готова. Потому что это то, чего ты действительно хочешь. И вот что я тебе скажу еще. Через шесть лет ты начнешь писать такие стихи, от которых будут плакать взрослые. Ты будешь получать очень много похвалы. Не забывай ее. Выкидывай из памяти тех, кто будет тебя ругать. Сейчас ты бросишь рисовать на несколько лет, но потом снова начнешь, только уже не лошадей. Ты писала сказку в семь лет, помнишь? Тоже бросила. И снова начнешь! Тебе скажут, что твои рассказы – «непонятно что», и ты бросишь опять. А потом покажешь их тому, что скажет, что они гениальны, и – начнешь вновь. Тебе нравится то, что я говорю?
- Нет, – я медленно и уверенно мотает головой. – Что же я все бросаю, а потом снова начинаю, а потом опять бросаю... и опять начинаю. Это что же такое?
- Вот и я о том же. Это все будет потому, что ты слушала тех, кто тебя ругал.
- И зачем же я это делала?
- Вот это уже не зачем, а почему. Потому что не знала, что можешь не слушать. Но теперь ты знаешь. Собирай сюда, – он указал пальцем в сердце моей я, – слова восторга. Их будет в десятки раз больше. А потом и в сотни. Но самый главный человек, который должен тебя хвалить, – это ты сама. Твое слово для тебя – главное. Прямо сейчас пообещай мне одну вещь. Не позволяй никому тебя остановить. Даже папе. Даже маме. Стань своим главным помощником. Делай то, что считаешь нужным. Научи свои руки переносить замыслы из твоей головы на бумагу, на картон, в тетрадь, в альбом. А потом в штуку, которую люди назовут компьютер. Но когда не получается, понимай, что это значит – ты просто учишься. И ты научишься. И пусть не сразу будет получаться. Ты продолжай. Ты меня слышишь?
- Да... – выдохнула я.
- Продолжай. Эти руки, – Артур развернул ее руки ладонями вверх, – создадут много прекрасного. И стихов, и текстов, и рисунков. Что-то тебе будет нравиться, что-то нет. За что-

то тебя похвалят, что-то обругают, над чем-то даже посмеются. Не важно. Это все будет не важно. Потому что ты совершенно права: ты все равно будешь. Будь! Договорились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.